1971. Агент влияния

Автор:
Евгений Щепетнов

1971. Агент влияния

Евгений Владимирович Щепетнов

Михаил Карпов #4Новый фантастический боевик. Миры Евгения Щепетнова

Михаил Карпов приезжает в США по приглашению своего американского издателя. Заокеанская жизнь переливается перед героем всеми возможными красками, но не производит особого впечатления… Ведь он патриот, а его пребывание за рубежом оправдано исключительно большими целями. Беда подкралась откуда не ждали. Те анонимные письма, которые он писал верховному правительству, все-таки вывели на автора, и возвращение в родной Советский Союз теперь осложнено, ведь непонятно, кто он – сумасшедший контрагент, который пытается посеять сомнения в высших эшелонах власти, или загадочный провидец, который знает, что ждет страну в обозримом будущем. Ясно теперь только одно: в глазах властителей мира Карпов – агент влияния.

Евгений Владимирович Щепетнов

1971. Агент влияния

© Щепетнов Е.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Глава 1

– Это же спектакль! Ну что тут может быть интересного? – Я обогнул бородатого толстяка, перекрывшего коленями почти весь проход между сиденьями, и пошел дальше, покосившись на арену справа от меня. Толстяк жрал. Именно не ел, а ЖРАЛ, засовывая в жерло своего рта-камнедробилки разорванный его «жвалами» здоровенный бутерброд. Майонез и кетчуп текли изо рта, оседая на рыжей бородке сгустками дьявольской сукровицы. Мужик чавкал, и было видно, как на толстом языке перемешиваются перемолотые кусочки розово-кремовой субстанции. Брр… отвратительное зрелище!

Был у меня в юности знакомый, Федька Жижин, так вот он всегда чавкал за едой, и как-то я не выдержал и высказал ему, мол, что ты, как свинья, себя ведешь? На что он мне спокойно заявил, что ему ТАК вкуснее.

Я иногда потом вспоминал его слова, когда слышал об очередном закидоне «американских партнеров», как их называет Путин. То одну страну сожрали, чавкая и перемалывая ее содержимое, то другую залили «кетчупом» и схарчили с превеликим удовольствием. И только потому, что им ТАК вкуснее.

Может, и неравнозначное сравнение, но вот так я всегда, когда слышал об очередных победах американской демократии, видел эту пасть, перемалывающую все, что туда засунули загребущие руки. И сейчас вспомнил, когда увидел этого рыжего мужика с бутербродом в одной руке и банкой пива в другой.

А вытащил меня сюда Рон практически насильно – мол, не все же время сидеть дома, надо иногда и гулять! А ведь честно сказать, я действительно что-то засиделся. Пять дней только работа и бег в Центральном парке. Нет, не только бег, конечно, я отжимался, подтягивался (нашел приличную ветку дерева, и вперед). Ну и бой с тенью – надо же поддерживать реноме бесстрашного борца с гангстерами!

Если честно, никакие это были не гангстеры, как раззвонили все газеты США. Просто толпа черных гопников, правда, вооруженных пистолетами. Наши гопники до такого еще не скоро дойдут. Лет через… хмм… тридцать? Нет, раньше – через двадцать лет начнется бандитский беспредел.

Кажется, вроде бы и еще долго, целых двадцать лет! Но что такое двадцать лет для страны? Для мира? ЖЖЖ! И пролетел сгорающий в атмосфере метеор! Вот что такое для мира двадцать лет.

Я добросовестно досидел три дня в арендованном для меня шикарном номере, а потом переехал в квартиру, которую на месяц снял для меня Роджер Страус, директор и хозяин издательского дома «Фаррар, Страус и Жиру».

«Досидел» – не очень верное определение того, что я делал. Ну да, вообще-то я сидел, ведь печатать на машинке лежа, по-моему, никто еще не научился, но просто сидением это назвать все-таки трудно. Я писал своего Гарри. Своего, не копию Гарри Поттера. Потому совесть меня не гложет. Так… слегка подкусывает. Но слегка.

Меня перло. Так я называю это состояние, когда не хочется ни есть, ни пить – только стучать по клавишам и стучать! У меня бывало такое, и не раз, иначе я не мог бы писать с такой скоростью, чтобы хейтеры визжали от злобы и зависти. Но чтобы вот так! Чтобы меня буквально прорвало потоком текста! И хорошего текста, качественного текста – уж я-то знаю толк в этом деле. Я вижу качественный текст. А еще чувствую, понравится он людям или нет.

И я выдавал по двадцать четыре страницы в день! Спал по четыре часа в сутки, урывками ел, прерывался только на физкультуру и душ и печатал, печатал, печатал!

За пять дней я напечатал треть новой книги и чувствовал, что у меня получается. Получается! Я был как охотник, который встал на след дичи и который знает, что она от него не уйдет.

И тут появился Рон. Он едва ли не волоком вытащил меня из квартиры и буквально заставил пойти с ним на соревнования по рестлингу.

Нет, сказать, что он «появился», было бы слишком уж драматично. Рон приходил каждый день, спрашивал, не надо ли нам чего, как наше самочувствие, а потом исчезал, задумчиво мотая головой, как цирковая лошадь.

На шестой день он сказал, что я выгляжу полусумасшедшим наркоманом и так углубляться в работу нельзя – совсем с ума сойду! Кстати, то же самое говорил и мой «ручной» гэбэшник Нестеров, с которым я жил в одной квартире с тех пор, как издательство перестало оплачивать наши номера и сняло нам квартиру. Двухкомнатную квартиру, это уж само собой.

Нестеров продолжал пить и все дни проводил или во сне, или в полузабытьи алкогольного угара. Если только не выходил в магазин за едой и очередной порцией спиртного. Я не вмешивался, мне было не до него. Пускай делает, что хочет, лишь бы не мешал. И он не мешал.

И никто не мешал. Удивительно, но за все пять дней после пресс-конференции нас никто не беспокоил, кроме вездесущих журналистов. Вот те лезли просто как тараканы! И если бы не эффективная работа охраны отеля, мне точно не дали бы поработать. А потом меня с Нестеровым тихонько увезли, выведя через черный ход, так что папарацци остались с носом.

Печатную машинку с русским шрифтом найти оказалось совсем даже не сложно – здесь, в Нью-Йорке, можно было купить все, что угодно, были бы деньги. Во что обошлась машинка издательству Страуса, я не знал – какая, по большому счету, мне разница? Я попросил, мне привезли и машинку, и бумагу, и ленты для машинки. А где взяли, как взяли – да хоть из музея уперли, мне какое дело?

Страуса за все пять дней я так и не увидел ни разу. Он будто растворился в пространстве. Обещал, что познакомит меня со своими компаньонами, привезет в издательство, и вот – даже глаз не кажет! Спрашивал Рона, куда девался его шеф – Рон только ухмылялся и похлопывал меня по плечу, мол, успокойся! Все идет, как надо! Шеф занимается печатью моих книг, для чего вылетел куда-то там, и срочно решает вопрос о доптираже. Ну и само собой – дело, то бишь бизнес – превыше всего. Успеем еще наобщаться!

Беспокоило меня и отсутствие реакции нашего, советского консульства. Я почему-то считал, что меня тут же вызовут в консульство или даже сами прибегут, однако ни малейшей реакции! Почему? А ведь Нестеров точно доложил по инстанции о происшедшем. Выжидают? Хотят увидеть, чем все закончится? Очень нетипично для нашего МИДа. Или скорее – для нашего КГБ.

В общем, я провис где-то в пространстве. И домой лететь не могу – не пускают, ведь расследование прокуратуры продлится как минимум месяц, и страна Советов почему-то не особо интересуется судьбой своего блудного сына. Даже как-то обидно. Я вообще-то не из последних, не какой-то там бомж! Известный писатель, один из самых популярных фантастов в СССР, если только не самый популярный…

В принципе, пока что не особо и страдаю. А чего мне страдать? Есть-пить хватает, жилье – вполне приличное (дом вроде нашей девятиэтажки, с консьержем на входе), работа идет – только треск стоит!

Единственное, чего мне не хватает – это женщины. Ниночка осталась в Союзе, а я уже как-то привык к ее страстным объятиям. Здесь же… только взглядом девушек провожу, когда выхожу на утреннюю пробежку.

Впрочем, когда возвращаюсь, сразу забываю и о женщинах, и о политике – я пишу бестселлер! Пишу своего Гарри, и у меня получается так, как никогда, наверное, не получалось! Мысль о том, что сейчас ваяю мировой бестселлер, который принесет мне (ну обязательно же!) всемирную известность, абсолютную всемирную известность, – эта мысль не просто возбуждает. Она как наркотик, она как энерджайзер, заставляющий забыть обо всем на свете, кроме листа бумаги и клавиш электрической пишущей машинки!

Кстати, о журналистах – когда выхожу на пробежку, натягиваю на голову капюшон своей ветровки, специально для того купленной в местном магазине. Чтобы не узнали. Журналисты и просто прохожие… которые могут проболтаться тем же журналистам. У славы есть и свои, большущие минусы… это я уже понял. Если в Союзе мне нравилось, когда меня узнавали случайные люди (по фото на обложке книги), то здесь, в США, после шумной пресс-конференции, обошедшей все телекомпании страны (и не только этой страны!), мне пришлось довольно-таки непросто. Папарацци едва не сели мне на шею – и практически в буквальном смысле слова. Кидались на меня, как обезьяны в Таиланде на туристов. Ну как же, советский писатель, который спас двух полицейских, голыми руками расправившись с бандой черных!

Я и так для них был чем-то вроде инопланетянина – советский писатель-фантаст, книгу которого выпустило крупное издательство, так еще и таинственный человек, не помнящий своего прошлого! А после моего победоносного шествия по улицам ночного Нью-Йорка и расправы над

бандитами – так и вообще сенсация мирового масштаба! Особенно на фоне отсутствия летних новостей. Летом затихает и политическая, и экономическая жизнь – так бывает всегда и во все времена. Так что я со своими подвигами явился в самый что ни на есть актуальный момент. Подгадал, можно сказать!

От властей Нью-Йорка тоже пока что не было никаких известий. Меня не вызывали, не допрашивали, один раз допросили, сразу после моей эпической битвы с черными гопниками, ну и все… молчок!

Думал над этим. Пришел к выводу, что, вероятно, следствие ждет, когда очнется толстяк-полицейский, которому я спас жизнь, заткнув рану своей рубашкой. Он был то ли в коме, то ли очень слаб и не мог говорить, так что без его показаний следствие не будет полноценным. Вот и дожидаются они, когда третий участник этого действа придет в себя. Был и еще один – тот бандит, который пытался убежать и которому я выстрелил в зад, но, как оказалось, он благополучно помер. Что и немудрено – получить в анус пулю из «Кольта М1911» сорок пятого калибра, это вам… не плюшки трескать!

Как мне рассказал Рон, наш секретарь от издательства «Фаррар, Страус и Жиру», пуля прошла тому козлу через задницу и вылетела с другой стороны, и можно только представить соответствующие разрушения организма несчастного гопника. Я, честно сказать, даже пожалел, что выстрелил ему в зад, но уж больно был тогда зол на творящийся беспредел! Я готов был порвать этого гопника голыми руками, как и того, которому вырвал кадык.

Но потом все-таки решил, что надо было бы пристрелить гада как-нибудь культурнее. Ну, я же не зверь, в конце-то концов? Пусть бы умирал с целым анусом!

Ну и вот: на шестой день моего добровольного заточения Рон притащился в девять утра, когда я вышел из ванной комнаты после утренней физкультуры, и вытащил меня на соревнования по рестлингу. Кстати, он и Нестерова приглашал, но скорее всего просто из вежливости. Ну… так мне показалось. Просто когда Нестеров отказался, мотивировав это тем, что съел что-то несвежее и его немного тошнит (виски было несвежим, точно!), Рон незаметно для него (но не для меня!) явственно облегченно вздохнул.

Честно говоря, мне тоже было бы не очень комфортно – полдня таскаться с похмельным, помятым, вечно с кислой мордой гэбэшником. Нестеров так-то был неплохим мужиком, но в больших дозах совершенно непереносимым – по причине увлечения своей семейной трагедией, а именно – уходом жены к его бывшему другу. О чем он рассказывал целыми днями всем, кто соглашался его слушать. Хорошо, что хоть дверь в мою комнату запиралась…

Вообще я недолюбливаю алкашей и просто крепко пьющих. Сам уже давно не бухаю – повода нет, да и желания. Это на войне надо было стресс снять, иначе можно и вообще с катушек съехать, а в мирной-то жизни зачем бухать?! Ну да, да, было у меня разок, и недавно, когда Зина мне дала «отлуп». Расстроился сильно, да! Но один раз! И хватит! Залил горе бутылкой вискаря, ну и… хватит горевать. Ей же хуже, раз бросила! Своего ребенка, которого она должна родить, все равно не брошу – обеспечу, вытяну в люди. Но Зина… не ожидал от нее!

Впрочем, речь сейчас не обо мне и не о Зине – о Нестерове. Ну да, жена ушла, так что теперь? Всю свою жизнь псу под хвост? Работу, карьеру – все на свете? Ведь если кто-то прознает, КАК Нестеров бухает – уволят, точно! В народное хозяйство пойдет, быкам хвосты крутить! Он что, не понимает?

Да мне вообще-то плевать. Я ему не мамка и не папка, и не замполит. Человек – сам кузнец своего несчастья. Пусть огребает по полной, раз того хочет. Мне, к примеру, очень удобен тот факт, что Нестеров почти не выходит из своей комнаты. Представляю, если бы он как следует исполнял свои обязанности! Ужас! Таскался бы за мной туда, куда надо и куда совсем не надо.

Огромный зал Мэдисон-сквер-гарден заполнен людьми до отказа. Шумят, жрут, пьют – стадо, да и только! Рон мне популярно разъяснил, что, если я хочу познать Америку, обязательно должен посмотреть на соревнования по рестлингу. Я не стал ему объяснять, что видел эти самые соревнования по телевизору, что никакого почтения этот спектакль у меня не вызывает и что вообще я не очень-то хочу познать Америку. Если только не в смысле сексуального познания! Вертел я ее на одном месте… враг России эта Америка, да и все тут!

Любой либераст или не либераст может спросить: а как же так, ты в этой Америке зарабатываешь деньги, она предоставляет тебе возможность стать богатым, и тут же называешь ее врагом?! Нет ли тут противоречия? Враг –

значит, не приезжай! Значит, не давай издавать свои книги злобным врагам! Не имей с ними дела! Лицемер!

А я не лицемер. Я использую США для своих целей. Мне нужно стать всемирно известным писателем для того, чтобы использовать свое влияние на руководство СССР. Чтобы убедить, чтобы заставить руководство Союза пойти ПРАВИЛЬНЫМ путем. Чтобы не было 90-х, чтобы не умирали люди в Афганистане и на чеченских войнах. Чтобы не погибали люди в Донбассе, чтобы русская республика Украина не стала врагом всему русскому. Чтобы Советский Союз поднялся так, как поднялся в двухтысячных годах якобы социалистический Китай.

А что касается того, враг или не враг США – конечно, враг. Как и любая империя, США должны расширяться, должны распространять влияние на весь мир. Захватить весь мир! В конце концов в мире останется только одна страна, так вот США желает, чтобы это были именно они, Штаты. И не путем слияния, как равноправные партнеры, не путем установления договоренностей, а варварски, уничтожая, втаптывая в грязь, сжигая всех, кто противится воле этой империи! Это стиль поведения США, этим они живут. И это очень плохо.

Кто-то может сказать, что Советский Союз – такая же империя и что он делает то же, что делает США. И тоже мечтает распространить влияние на весь мир, и хочет, чтобы в мире остался только Советский Союз. И я отвечу: да, мечтает. Как и положено империи, он имеет те же задачи, что и США. И что? Да ничего! Союз – моя Родина, и я сделаю все, чтобы он не развалился. Чтобы он остался на планете, а не США, уже доказавшие свою неадекватность в решении мировых проблем. Хватит им быть мировым жандармом! Пусть знают свое место!

Каким образом Рон выбил нам места в самом первом ряду, прямо у ринга, не знаю. Но факт – мы сидели почти у самых канатов, нюхали пот, вдыхали пыль и слушали дикие вопли, которые издавали эти накачанные мужики.

Действо меня не зацепило, что называется, абсолютно. Эти раскрашенные клоуны в своих дурацких нарядах выходили на ринг, вращали глазами, орали, рассказывали какие-то свои истории, в которых обвиняли противника в разнообразных грехах, а потом обещали раскатать его по рингу, превратить в лепешку, порвать, растерзать… ну и всяко-разно, настолько, насколько хватило фантазии у тех, кто эти дебильные тексты сочинял.

И начиналось представление. Здоровенные детины прыгали на противника с канатов, как обезумевшие макаки, заламывали руки и ноги, вытаращивая глаза, и заломанный противник изображал невероятные страдания, завывая и стуча окорокообразной рукой по гулкому двойному помосту. Именно двойному – мне-то все хорошо вблизи видно! Эти придурки все удары по противнику наносили… притопывая ногой! Ну, чтобы гул по залу – вроде как по тулову крепко врезал!

Вначале мне было смешно – зал свистел, орал, люди вставали со своих мест, когда очередной мордоворот наносил «подлый» удар своему светлому сопернику. Кажется, у них это называется «хил» – это про бойца-«злодея». Роль такая: «Плохой парень». Его ненавидит весь зал, ведь он наносит подлые удары со спины, выбрасывает в зал рефери, материт зрителей и все такое прочее. Обычно он эдакий брутальный чувак-брюнет с горбатым длинным носом. Ну, типа итальянец или француз. А есть «фейс» – это «Хороший парень». Само собой, у него англо-саксонский тип лица, светлые или золотые волосы, и вообще он эдакий душка.

Но надо отдать должное устроителям этого безумия – Добро тут не всегда побеждало. У меня на глазах «фейса» «типа победил» здоровенный черный парнюга двух метров роста, эдакий негритянский культурист по типу Ронни Коулмена, многократного «Мистер Олимпия».

Мышцы, мышцы, мышцы! Да, в сравнении со мной – просто красавчик. У меня все-таки больше жилы, да и рельефа такого яркого нет. Хотя за этот год я все-таки хорошо подтянулся, особенно после того, как неожиданно стал молодеть.

Кстати, надо с этим что-то делать. Может, седину себе навести? Ну вот как теперь жить – был почти седым, и вдруг ни с того ни с сего почернел! Видно же! Спросят, а как так случилось? Единственное, что можно ответить: крашу волосы! Ну вот такая у меня, понимаешь ли, блажь! В пятьдесят лет решил выглядеть как тридцатилетний – что, возбраняется? Подумать надо над этим. Крепко подумать.

Ну, так вот: этот черный культурист забил ангелоподобного парнишку, как щенка. Тот только закатывал глаза, стонал, а этот самый черный «хил» выскочил из ринга, пробежал по ряду возле меня (пахнуло острым мускусным духом, как от жеребца), схватил оставленный кем-то (похоже, что для него) складной стульчик и, заскочив обратно на ринг, разбил его о широкую спину ангелоподобного красавчика.

Умора! Рупь за сто, что стульчик этот сделали из легкой фанеры и его можно свободно разбить о колено! Да что же у них все так тупо? Так явно и топорно? Риторические вопросы, ага… Омерика, чо уж там! Нам, дикарям, не понять!

К самому концу «соревнований» я уже откровенно устал и заскучал. Не спасла и банка пива с бутербродом, которые купил мне у «бродячего» торговца вездесущий Рон, азартно вопивший вместе со всем этим жующим и орущим стадом зрителей. Пиво оказалось не очень холодным, бутерброд – совсем не вкусным, а представление тупым и не таким интересным, как его представлял мне Рон. Хотелось уйти, но ведь неудобно – человек расстарался, билеты добывал, заботился обо мне. Нехорошо! Досижу до конца, тем более что осталось уже немного…

Последняя пара, финалисты – тот самый негр-культурист, «Плохой парень», и высоченный парнюга со светлыми волосами, увязанными в косу. Эдакий то ли норманн, то ли… не знаю кто, но в общем – европеец. И против него – Черный Демон! Ну да, именно так его и объявлял ведущий этого спектакля: «Черный Демон»! Морда разрисована белилами, грудь тоже в полосах, как у зебры – видимо, он изображал эдакого дикаря из джунглей – жестокого, подлого, какими и бывают (само собой!) черные дикари.

Я не ксенофоб, но вообще-то настороженно отношусь к так называемым афроамериканцам. Мне не нравится их поведение – хамство, разнузданность, это всегдашнее желание взять, ничего не отдав взамен. Кстати сказать, и нападение банды «черных» никак не прибавило мне уважения к представителям этого сообщества.

Но при всем при том – выставлять единственного черного парня «хилом», мне кажется, это не очень порядочно. Это самое что ни на есть возбуждение расовой ненависти. Мол, вот он, черный негодяй! Видите, какие эти негры зверюги?!

Ей-ей, в ненависти черных к белым есть своя правда. Через тридцать лет они дадут жару белым – все припомнят! И что было и что не было, припомнят!

Впрочем, уже припоминали. В 1968 году был бунт черных. После убийства Мартина Лютера Кинга. Несколько дней бунтовали, еле-еле успокоили потомков африканских рабов. За 4 дня волнений погибло двадцать человек, несколько тысяч было ранено, несколько десятков тысяч арестовано. И эти люди ничему не

учатся…

Само собой, черный не выиграл боя, который проходил так, как я и ожидал – по стандартному сценарию всех дурацких боевиков: вначале главного героя долго и жестоко лупят, избивая всеми доступными злодею способами. В конце избиения главный герой вдруг собирается с силами, встает, проклятьем заклейменный, и навешивает люлей негодному супостату. Это настолько уже навязло в зубах, настолько тупо, что слов нет! Одни выражения.

И я почти уснул, так мне это все стало скучно. Грохот, удары с топанием ногой, крики и потная вонь. Сто раз себя выругал за то, что согласился поехать с Роном! Лучше бы в Центральном парке погулял и на лужайке под солнышком повалялся! А то лето в разгаре, а я бледный, как поганка, ни малейшего загара!

Я был в полусонном состоянии, когда победителю вручили пояс победителя, когда этот «норманн» разгуливал по рингу, держа на плече безвкусную блестяшку-пояс, якобы сделанный из чистого золота. А может, и правда сделанный из золота? Или все-таки позолоченный? Да какая разница… господи, ну как скучно, а?!

Разбудили меня дикие вопли – и на ринге, и в зале. Люди как с цепи сорвались – дико вопили, топали ногами, летели банки, рассыпались брошенные в воздух бутерброды, и все пространство вокруг меня походило на свалку у города Красноармейска. Ну, а на ринге происходил «типа беспредел» – черный культурист лупил победителя складным столиком. А когда «норманн» упал, изображая судороги последней минуты жизни, «черный» сорвал с него пояс победителя и довольно потряс, показывая залу средний палец, торжествующе хохоча и громогласно заявляя, что имел со зрителями сексуальные отношения – со всеми вместе и с каждым в отдельности (фак ю! фак ю!). И пошел по периметру ринга.

К нему подбежал рефери, демонстративно попытался отнять у «негодяя» пояс чемпиона, и тогда злодей схватил рефери (кстати, немаленького парня!) и выбросил его с ринга! Тот грохнулся на столик судей, сломал его и застыл на полу, подергиваясь в смертельных судорогах. Блин! Вот же актеры, а?! Им бы в театре играть! Хотя… там платят меньше, точно.

– Эй, ты! Тебе что-то не нравится?! Чего такую рожу сделал?! Сукин сын!

Я проморгался, посмотрел по сторонам, разыскивая взглядом сукина сына, который сделал рожу. Вообще-то, на мой взгляд, тут каждый первый сукин сын со сделанной рожей – нормальный человек сюда не пойдет. А голос между тем гремел:

– Падаль! Белая падаль!

И тут передо мной возникла мускулистая фигура – черный беспредельщик перемахнул через канаты и довольно-таки ловко приземлился передо мной на свои колонноподобные ножищи. Приземлился, и… я не успел ничего сделать. Потому что ничего подобного и ожидать не мог! Это было запредельно для моего разума! Этот чертов йети ухватил меня в подмышки и буквально метнул на ринг! Меня, стокилограммового мордоворота!

Я шустрым снарядом главного калибра пролетел через канаты и громко, очень громко плюхнулся на двойной пол ринга под завывания и улюлюканье разбушевавшейся толпы. Зрители вопили, как толпа индейцев в атаке, им нравилось это действо, и похоже, что ни одна сволочь не собиралась мне помогать! Где охрана?! Где, наконец, полицейские?!

Я лежал секунды две неподвижно, как бревно, то ли подсознательно ожидая, что все это безобразие кто-то прекратит, то ли от неожиданности – не каждый день тебя избирают актером в дурную постановку, в которой ты никогда бы не стал участвовать по своей воле. Не знаю, о чем я в точности думал, только когда увидел летящую на меня тушу килограммов под двести весом (гад забрался на канаты и прыгнул на меня сверху, собираясь припечатать к полу), успел откатиться и все-таки ушел из-под удара.

Но этот мразота не успокоился, он прыгнул ко мне со скоростью змеи (кто там говорит, что качки медлительные?! Шли бы вы…) и взял меня в захват сгибом левой руки за глотку, правой… правой гнида держал в руке микрофон!

– Этот белый мерзавец убил пятерых наших братьев! Пятерых борцов с режимом! Я отомщу за них! Я выбью из этого проклятого русского все дерьмо! Проклятые русские! Грязные свиньи!

В глазах у меня плыло, я задыхался. Негодяй был очень, просто невероятно силен! А я – лох! Я просто лох! Попался!

Пяткой по большому пальцу гада – рраз! Негр охнул, ослабил хватку. Локтем со всего маха поддых! Есть! Свободен!

Отскакиваю, тяжело дыша, проталкивая воздух в помятую глотку. Эдак и гортань сломать запросто можно, скотина ты безрогая!

Скотина оклемалась довольно-таки быстро и бросилась на меня в атаку, занося дынеобразный кулак. Шустро, но недостаточно шустро для меня. Бью прямым ударом ноги под дых, противник охает, но не вырубается – очень сильный пресс, не так просто пробить. Да и тренированный, точно. Не все у них тут спектакль! На этом спектакле куча народа лишилась здоровья!

Распрямляется и тут же бьет меня в лицо! Уклоняюсь, пробиваю ему двойку – в челюсть. Не сильно, но крепко – на кой черт руки отбивать? Снова летит ко мне, размахивается и… перехватываю, закручиваю приемом айкидо и, натужась, выбрасываю его с ринга! Противник грохается на пол, содрогается и теряет сознание.

По ушам снова бьет рев толпы – до этого я его не замечал. Люди визжат, прыгают – ну как же, Зло наказано! «Черножопый» повержен!

– Это русский писатель Карпов! – Рон вопит, схватив микрофон. – Он написал бестселлер, который издали в издательстве «Фаррар, Страус и Жиру»! Завтра начинаются продажи! Он не только великий писатель, он еще и великий боец!

Рон подходит ко мне, берет меня за руку и поднимает ее вверх. Зал аплодирует, а мне ужасно хочется въехать Рону в его поганую рожу. А еще – поймать Страуса и дать ему по яйцам. А потом в сопатку! А потом…

Но я пролезаю между канатами, иду на выход и не оглядываюсь, чтобы посмотреть – успевает за мной Рон или нет. Люди вокруг шумят, кричат что-то вроде: «Молодец, русский! Крутой мужик! Парень, у тебя стальные яйца!» – но я не обращаю на них внимания. Внутри у меня все кипит, да так, что я готов взорваться, и это выльется в хороший мордобой. Мне нужно успокоиться.

«Кадиллак» Рона стоял там, где он его поставил – на парковке у стен комплекса. Ждать Рона долго не пришлось. Он отпер двери, уселся, не глядя на меня,

вставил ключ в замок зажигания, и движок аппарата тихо, но басовито загудел. Нравится мне этот монстр, ей-ей! Нет, не Рон – «Кадиллак». Вот что ни говори – американцы знают толк в машинах. Пусть они у них и не самые надежные, пусть они и слишком пафосные, яркие, но… это Машина! Огромная, комфортабельная, для настоящего мужика! Где-то читал, что якобы минимум треть жителей США зачата на заднем сиденье автомобиля. Не знаю, правда это или нет, но широченное заднее сиденье «кадди» так и напрашивается на то, чтобы на нем кого-нибудь зачать. Кожаное, мягкое!

Я на него и сел, на заднее сиденье. Не хотелось видеть воровливую рожу Рона.

– Майкл… – начал Рон виноватым тоном и тут же осекся, глядя на мою хмурую рожу, больше напоминающую физиономию палача, снявшего свою рабочую маску. Однако собрался и продолжил: «Майкл, тебе ничего не угрожало! Мы обо всем договорились! И ты был хорош! Ты был очень хорош! Мне кажется, если захочешь – тебя точно возьмут в рестлеры! Ты отлично смотришься на ринге. Только мяса поднабрать, чтобы повнушительнее выглядеть, и вперед! Все награды твои!»

– Кто это все придумал? – мрачно спросил я, глядя на пролетающие мимо витрины магазинов, вывески, на толпы людей, спешащих по своим делам, – обычную толпу обычного американского мегаполиса.

– Мы со Страусом… – пожал плечами Рон, – он предложил идею, я ее разработал, со всеми договорился. Кстати! – Он оживился. – За этот бой тебе – приз! «Кадиллак»! Ты же мечтал о «кадди» – так вот тебе «Кадиллак Де Вилль»! Как ты хотел! С открытым верхом! С полной комплектацией – кожаные сиденья, кожаный верх! Радио! Сегодня же поедем в автосалон, и ты выберешь, какой захочешь! Все оплачивает Страус! Он включит стоимость «Кадиллака» в затраты на рекламу, и у нас спишутся налоги. Так что особо не переживай – не разорится.

Я никак не переживал за Страуса, тем более что знал – точно не разорится. Проживет до двухтысячных годов и умрет в покое и неге. Ох и мудак этот Страус! Ну и тварь!

– И доставка на нас! Отправим на твой адрес контейнером – у себя в Москве получишь! Адрес у нас есть. Ну, а с таможней уже сам. Или можешь продать его

здесь! Но потеряешь тогда в деньгах. Ну как, тебе уже лучше?

Мне и правда стало лучше – немного отошел от стресса. Но меня еще потряхивало. Кстати сказать, насчет «Кадиллака» – стыдно признаться, но мне такое дело понравилось. Нет, я не такой уж и тщеславный человек, но как представлю – на кабриолете, по Москве! С открытым верхом! «Кто это такой едет?! – Как, вы не знаете?! Это же писатель-фантаст Карпов! Все знают писателя Карпова!»

Бггг… ну да, да – я тоже не святой! И тоже иногда хочется попонтоваться! Ну в самом деле – для чего я работаю, если не могу хоть иногда позволить себе маленькие шалости?! В конце концов я не Павка Корчагин, чтобы довольствоваться малым! Ну да, да, мне стыдно, что я такой… хмм… раздолбай, но я люблю машины! Хорошие машины! И… да ну вас всех к черту! Я тоже человек, и ничто человеческое мне не чуждо! Спасать СССР можно и сидя в «Кадиллаке»-кабриолете. Хуже не будет!

– Не поеду в салон. Сами выберите – белый! Хочу белый «Кадиллак»! С черным верхом! Ей-ей, я его сегодня заслужил…

– Заслужил! Точно, заслужил! – радостно хохотнул Рон. – Сегодня же куплю на твое имя и отправлю в Союз, не беспокойся! А в багажник ящик виски поставлю! И еще – джинсов, рубашек, курток джинсовых натолкаю – у вас же это все дефицит, вот и будет тебе подарок! Ты не сердишься на нас? Уже отошел?

– Отошел! – проворчал я, потирая лоб. Что-то голова начала болеть… – А если бы я его убил? Вы вообще понимаете, что сделали?! Я ведь не реслер. Если бью, то наповал!

Рон как-то странно на меня глянул, и я прикусил язык – что-то слишком уж разговорился. Я ведь не помню своего прошлого!

– Ну… мы рассчитывали, что ты догадаешься, – ухмыльнулся Рон, – в конце концов догадаешься! Ты ведь очень умный парень! И к тому же сам говорил, что рестлинг – это спектакль, что все фальшиво. Так что… не убил бы ты его! Кстати, он бы тебе все равно поддался, была такая договоренность. Устроители матча в курсе, все было отрежиссировано. Только не спрашивай, как Страус этого добился – ну, чтобы устроители пошли на такой сценарий. Это его

проблемы. Добился, да и все тут. Могу только предполагать, что обошлось недорого, потому что рестлинг – это шоу, а шоу надо делать красивым. А что может быть красивее мести за убитых «братьев»? Черный реслер мстит русскому убийце за поруганную честь черного братства! Это ведь замечательно! А русский, который, может, и вообще не русский – он ведь не помнит своего имени – дает отпор зарвавшемуся дикарю! Все счастливы!

– Кроме черных! – бурчу я и откидываюсь на спинку, закрывая глаза. – Теперь они хрен купят мои книги.

– Да и дьявол с ними! – фыркнул Рон. – Они все равно ничего не читают! Зато все белые – наши!

– Этот… рестлер… он был в курсе? Он знал меня?

– Ты зачем спрашиваешь очевидные вещи? – Рон довольно ухмыльнулся. – Ты же писатель! Умный человек! Ты думаешь, почему было столько телекамер? Бои транслировались по нескольким телеканалам! Руководство ассоциации рестлинга было только радо такому вниманию телевидения. Ну и само собой – сценарий был заранее определен.

– А если бы я не пошел? Если бы все-таки отказался? – хмыкнул я.

– Я бы в ноги тебе упал! На коленях стоял! Неужели бы ты отказался уважить старого Рона?! – Мой собеседник расхохотался, а я недоверчиво помотал головой:

– У тебя совесть есть?

– Сознание? При чем тут сознание? А! Понял! Ты спрашиваешь, испытываю ли я стыд за содеянное? Да ни малейшего стыда! Все, что я сделал – сделано для общего блага. Все ведь довольны! Зрители получили великолепное зрелище – крейзи русский наказывает черного дикаря! Черный дикарь получил приятную сумму за свой бой с крейзи русским! Кстати, он тебя боялся! Хе, хе, хе… как узнал, что ты голыми руками убил пятерых бандитов, да еще про то, что ты не знаешь о том, что будешь участвовать в представлении, – он на самом деле перепугался! Еле успокоили! Сказали, что ты мягок, как масло, и не будешь убивать такого замечательного парня… на глазах у всей Америки. Для убийства

тебе нужна ночная улица и минимум свидетелей! Ха-ха-ха! И ты получил свой куш – новую хорошую машину, а еще – великолепную рекламу своих книг! Ну и само собой – издательство, ты в курсе, что завтра начинаются продажи твоей книги? Сто тысяч тиража – это феноменальный успех! Да ты спасибо должен сказать – мы тебя раскручиваем, как для полета в космос! Кстати, предлагаю купить тебе не «Кадиллак-девиль», а «Кадиллак-эльдорадо»! Скажу, что ты потребовал! «Эльдорадо» – дороже и покруче! С кондиционером и все такое прочее! Да что ты хмуришься?! Жив, здоров, а теперь и богат – что еще нужно?! А! Ты тут засиделся, давай мы тебе девчонку найдем? Помнишь ту девчонку, что на пресс-конференции с микрофоном ходила? Вот ее могу прислать! Она с удовольствием ляжет с тобой в постель! И жизнь сразу станет слаще! Не хмурься! Веселись!

Я смотрел в окно и думал о том, что в английском языке нет понятия «совесть». Вот нет, и все тут! Чтобы сказать: «У тебя есть совесть?» – надо фактически сказать: «У тебя есть сознание?» Вообще меня это всегда удивляло – ну как это нет понятия «совесть»? Люди живут и не знают, что существует совесть?! Тогда можно легко объяснить ту наглость, то хамство и двойные стандарты, с которыми США вламываются во все международные дела. Совести-то нет! И чего стесняться?!

И вот на бытовом уровне ребята даже не стесняются того факта, что меня нагло, бесцеремонно использовали. Достаточно мне хорошо заплатить, и я заткнусь! Машинку красивую подарят – я и растаял! И вопрос исчерпан. Твари…

И тут же едва не рассмеялся: а чего я так расстроился? Чего рассуропился? Решил, что это мои друзья? Так они никогда не были моими друзьями и никогда ими не будут! Так почему же я так распереживался? Как если бы меня предали близкие друзья! Эти люди чужды мне, как инопланетяне. Они никогда не поймут меня, а я не пойму их. Менталитет другой – инопланетный. Как там певец рабства Киплинг сказал? «Запад есть запад, восток есть восток, и им никогда не сойтись вместе!» Может, он все-таки был прав?

– Давай «Эльдорадо»! – ухмыльнулся я. – Но так хочется набить вам морду, если бы ты знал!

– Догадываюсь! – хохотнул Рон. – Будет тебе «Эльдорадо»! А девку присылать или не надо? Или у вас с твоим пастырем Нестеровым любовь? Ладно, ладно, не бей меня! Я шучу!

Через два дня после моего «триумфального» выступления на ринге Мэдисон-сквер-гарден меня наконец-то посетили представители советского консульства. А произошло это так: я сидел и нормально бил по клавишам, выдавая очередную порцию приключений моего Гарри, когда раздался звонок телефона, и я со вздохом отпал от нагревшейся печатной машинки. Прет! Меня – прет! Работаю просто со свистом!

– Слушаю! – буркнул я, заранее ненавидя тех, кто на другом конце трубки. Надо отключать телефон, точно! Но я жду звонка. Жду, когда Рон позвонит и скажет: «Все, Майкл! Прокуратура к тебе претензий не имеет! Можешь отправляться домой – попутного ветра!»

В принципе, я не особо и тороплюсь домой. Меня ничто не отвлекает, работаю успешно – быстро и качественно – так куда мне спешить? Если все пойдет так, как сейчас идет, я за месяц книгу допишу. И это было бы просто здорово! Давно так интенсивно, со вкусом не писал.

Впрочем, вру. «Неда» я тоже быстро писал. Но тут нечто иное… сам не пойму, что именно. Может, то обстоятельство, что эта книга выпадает из обычного для меня сюжета боевиков? Более детская? Попробовать себя в новом качестве – почему бы и нет? Это ведь интересно! Детским писателем я еще не был. Но все когда-нибудь в первый раз… и мне нравится писать для детей.

Дело в том, что в моем времени, в моем мире детские книжки никому не нужны. В издательстве так и сказали: «Даже и не думай!» Те немногие писатели, что пишут детские книги, можно сказать, влачат жалкое существование. Утрирую, конечно, но по большому счету все так и есть. И мне это очень не нравится. Вернее, не нравилось. Ведь это все осталось в прошлом! Или в будущем? В прошлом будущем… хе-хе-хе…

– Сэр, тут к вам три господина! Говорят, что из вашего консульства. Впустить их?

– Впустите, мэм! – сказал я консьержке, положил трубку на рычаг и задумался… «Чего им от меня надо? Чего захотят? Притащиться сюда из Сан-Франциско, это ведь зачем-то надо? Почему из Сан-Франциско? Ну… консульство там находится!»

Хотя… что я несу? Почему именно из консульства, а не из дипмиссии, из Вашингтона? До Сан-Франциско – 4000 километров, а до Вашингтона – всего 380, как от Саратова до Волгограда! Четыре часа пути максимум. А по американским дорогам – и того меньше. Притопил газульку, и несись, как метеор!

В дверь позвонили. Из второй комнаты тут же появился Нестеров – помятый, всклокоченный – как всегда с похмелья. Не бережет себя товарищ! Эдак и до инфаркта допиться можно! Узнав, кто к нам пришел, издал неопределенный звук, одновременно похожий и на стон, и на всхлип, и тут же исчез в ванной комнате. Оно и понятно – начальство приехало! Интересно только, почему ему об этом не сообщили? Чего так – как снег на голову? Я подошел к двери, открыл замок.

В коридоре стояли трое мужчин – все в костюмах, белых рубашках, галстуках – и это, между прочим, в июньскую жару! Кстати, хорошо, что у нас в квартире стоит кондиционер – я Рону сразу сказал, чтобы кондиционер был, иначе… а что иначе? А что я сделаю, если не будет? Да ничего. Но кондиционер должен быть. И он есть. Ценят тут кур, несущих золотые яйца! Тьфу! Плохое сравнение.

– Михаил Семенович Карпов? – бесцветным голосом спросил мужчина лет пятидесяти, стоявший чуть впереди остальных. Волосы с проседью, невыразительное худое лицо, среднй рост – пониже меня сантиметров на… не знаю на сколько, но ниже. Впрочем, это нивелировалось уверенным, полным достоинства взглядом серых глаз старого агента 007. Шпион, точно. Нет, разведчик! Шпионы – это «ихние». Нашенские все – героические разведчики.

– Допустим. И что? – с ходу ощетинился я. Терпеть не могу, когда вот так – ни «здрасьте», ни «будь здоров», эдакое ментовское: «Гражданин, предъявите документы!» Вы какого черта пришли, если не знаете, к кому пришли?!

– Прошу меня простить, Михаил Семенович… – Старший гость был так же бесцветен и спокоен, но в глазах его что-то промелькнуло. Что именно, я не понял. То ли смешинка, то ли злость. А может, и то и другое сразу.

– Прошу простить, я был невежлив. Просто хотел убедиться, что вы – это вы. Меня зовут Николай Васильевич Симонов. Я – представитель посольства Советского Союза в США. А это мои помощники – Третьяков Максим Леонидович и Сагров Родион Петрович. Мы бы хотели с вами поговорить.

– О чем? – продолжал упорствовать я, поглядывая на двух помощников, больше похожих на представителей Девятого управления КГБ, так называемой «девятки». Это управление занимается охраной первых лиц государства, и ребята из «девятки» – очень серьезные парни. Неброские, ничем не примечательные – они очень опасны. Профессионалы высшего класса. Помню реальный случай из жизни «девяточников»: в девяностые годы, когда КГБ было развалено под чутким руководством мрази Бакатина и по прямому приказу Горбачева (который был еще большей мразью), разогнали и профессионалов из «девятки». Бакатин разгон КГБ называл «забоем скота». И куда им податься, «девяточникам»? Само собой, в телохранители. К тем, кто понимал, кто такие охранники «из девятки», что из себя представляют, и предпочитал нанимать не «бритые затылки», гожие только для понтов, а настоящих профи, способных максимально уберечь охраняемое тело от любых возможных жизненных неприятностей. По мере возможности, конечно. От пули снайпера невозможно уберечь даже президента США, как показал это мировой опыт.

Ну так вот, услышал я эту историю еще в конце девяностых. Открыли тогда где-то в Москве гей-клуб. Клуб не афишировал свою деятельность, но все знали – это типа «Голубая устрица». Просуществовал клуб некоторое время, и прознали о нем гопники и всякая такая шпана, для которой гомики, как сыр для мультяшного героя – «Ссыыыр!». Встретить гомика, набить ему рожу – святое дело!

Тут еще ведь как двойное удовольствие, ты и показываешь, какой настоящий пацан, раз наказываешь гомиков, а еще – просто приятно самоутвердиться, набив рожу беззащитному извращенцу. Развлечение не хуже, а то и лучше других! Ну, вот и стали эти гопники буквально дежурить у клуба, время от времени нарушая целостность и здоровье его посетителей и клубного персонала. Ну буквально проходу не давали!

Неизвестно, кто подсказал гомикам (впрочем, определение «нетрадиционная ориентация» не подразумевает синонимом «отсутствие ума»), но они взяли и наняли охрану клубу из представителей «девятки», тех, кого так радостно искоренил из рядов КГБ многажды проклятый Бакатин. Всего несколько человек – четверо, если не изменяет память. Не больше. За свои услуги «девяточники» брали довольно-таки недешево.

Первая же стычка охраны с гопниками закончилась плачевно. Само собой – для гопников. Их просто уничтожили. Сломанные руки, ноги, носы, отбитые

внутренности. Через неделю гопники обходили клуб буквально за версту. А ребята из «девятки» были такие незаметные, такие серенькие, такие невидные… ни тебе массивных плеч, ни громадных кулачищ. Люди, как люди. Не выделяющиеся из толпы. Серые личности.

Ну, так вот: эти двое были копией парней из службы охраны. Оба чуть выше среднего роста, оба сухощавые, крепкие, спортивные. И незаметные, как их начальник. Серые костюмы, серые глаза – как будто их отлили по одному лекалу. Кстати, это как-то туповато. Как в той истории с московской Олимпиадой, когда всем агентам КГБ выдали одинаковые серые гэдээровские костюмы. А эти были одинаковые «серые» люди.

– Может быть, вы позволите нам войти, и тогда мы объясним цель нашего визита? – предложил собеседник, и я отошел в сторону, сделав приглашающий жест. Покочевряжился, ну и хватит – лицо сохранил, «отомстил» за невежливость, да и будет. Ну да, я всегда раздражаюсь, когда меня отрывают от работы. Когда «прет», каждый, кто выбивает из колеи, становится едва ли не врагом! Хочется дать пинка или кинуть чашку в башку, как Леонов-Король в «Обыкновенном чуде»: «Вишь, что делаю?! А не я в этом виноват!»

Мы прошли в гостиную (в квартире три комнаты, но называется она двухкомнатной, ибо считаются только спальни), я оседлал стул, повернув его спинкой к пришельцам, и, скрестив руки на этой самой спинке, уставился на гостей, не собираясь первым начинать разговор и тем облегчать им задачу. Какую задачу? Да откуда же я знаю, какую. А на стул я так сел специально – старый фокус, уберегающий от неприятных неожиданностей. Спинка стула – уже защита.

Симонов – если его фамилия и вправду «Симонов», в чем я очень сомневаюсь – подошел к дивану, уселся на него, закинув ногу на ногу, сцепил пальцы рук в замок и положил перед собой, откинувшись на диванную спинку. Двое «охранников» остались стоять у выхода, неподвижные, как бронзовые статуи. Умеют ждать, точно.

– Вы бы присели, ребята! – предложил я, указав на два стула у стены. – А то как-то не по себе, когда вы торчите у входа. Ощущение такое, будто я арестован, а вы только и ждете команды, чтобы надеть на меня наручники.

– А есть за что? – спросил Симонов, кивая своим спутникам. Те тут же шагнули к стульям и уселись, глядя на меня бесцветными рыбьими глазами.

– А это уж вам виднее! – усмехнулся я, наблюдая за «гостями». – Я за собой никакой вины не чувствую.

– Это хорошо. Раз не чувствуете, значит, ее, наверное, и нет? – снова как-то бесцветно-неопределенно спросил собеседник.

– Слушайте, хватит играть словами! – слегка рассердился я, чувствуя, что меня переиграли в словесном поединке. – Хватит казуистики! Говорите, зачем пришли, да я усядусь работать! Вы меня от дела оторвали!

– Вот как? – слегка демонстративно удивился Симонов. – Я думал, вы лежите на диване, пьете виски и почиваете на лаврах! Ну как же – бандитов победили, книга имеет успех… и даже в соревнованиях по рестлингу поучаствовали, да как! На всю страну показали! И на соседние страны – даже в Канаде и Мексике смотрели! Шум – до небес! Скажите, а вы вообще знаете, кто с вами был на этих соревнованиях? Тот, с кем вы пришли?

– Мой секретарь? Рон его звать. А что? – усмехнулся я и тут же попытался перехватить инициативу в свои руки. – Хотите меня предостеречь? Рассказать, что он работает на ЦРУ, а я, наивный такой албанец, ни о чем не догадываюсь и сам плыву в руки зарубежных спецслужб? Так, что ли?

– Так! – не удивился Симонов. – А почему албанец? Вы имеете какие-то дела с албанцами?

– Это выражение такое, – досадливо сморщился я. – Типа наивный селянин. Неважно. Это все, что вы хотели мне сказать?

Симонов раскрыл рот, собираясь ответить, но тут нарисовался следующий персонаж – Нестеров. Побритый, причесанный, в белой рубашке и брюках, он выглядел вполне прилично, и от него почти не пахло застарелым перегаром – зубы почистил, точно. А сегодня утром еще не успел поддать, так что не пахло и свежачком. Если бы не бледный цвет лица, как у человека, долго находившегося в больничной палате, можно было бы и не понять, что человек находится в длительном и тяжелом запое.

– Здравствуйте! Здравствуйте, Николай Васильевич! А что же вы не предупредили, что приедете в гости? – Нестеров был само радушие, просто-таки до отвращения.

– Здравствуйте, Нестеров, – холодно сказал Симонов, и Нестеров от такого ледяного обращения тут же сник. А Симонов продолжил: – Жду от вас отчета о проделанной работе. Все подробно, без каких-либо умолчаний. Как товарищ Карпов оказался на ночной улице города, к примеру. Без вас. В одиночку. Почему вас не было на тех соревнованиях? Ну и… вообще, что происходит вокруг вас. А пока что прошу вас выйти из комнаты!

Нестеров повернулся и, как побитая собака, пошел прочь, едва не роняя слезы и сопли на ковер. Мне его искренне стало жаль, хотя я и не люблю запойных пьяниц. Ну правда же – сколько можно бухать? Совесть-то надо иметь! А еще из такой службы… позорище!

– Товарищ Карпов! – Голос Симонова стал обманчиво мягким, будто обращался он к старому другу, товарищу. – Мы очень заботимся о вашем здоровье, о вашей судьбе. Как оказалось, приставленный к вам товарищ не может или не хочет вам помогать. Можно сказать, он бесполезный балласт. Потому было принято решение – обеспечить вашу охрану, выделив вам в помощь двух наших сотрудников. Один из них будет постоянно находиться при вас, чтобы никакая случайность не лишила нас такого всемирно признанного писателя, как вы. Наше государство бережет своих граждан, а уж таких, как вы – в первую очередь. Мы не можем допустить, чтобы страна лишилась вас, Карпова Михаила Семеновича, и потому с этой минуты один из наших товарищей всегда будет рядом, где бы вы ни были.

– Даже в туалете, да? – безмятежно спросил я. – И спинку мне потрет, когда я в душе?

– Если попросите, потрет, – невозмутимо кивнул Симонов. – Вы теперь слишком ценный для страны гражданин, чтобы мы могли так просто разбрасываться такими кадрами. И мы сделаем все, чтобы вас сохранить.

– А если я не хочу? Если мне не нужно, чтобы вы меня сохраняли? Почему вы решаете за меня?

– Михаил Семенович… ну вы же должны понимать! Писатель такого уровня, как вы, всемирно известная личность – это народное достояние! Мы не можем допустить, чтобы вам причинили вред!

– То есть я уже себе не принадлежу? – Меня начинала разбирать злость. – Вот что, товарищи, шли бы вы отсюда! Охраняйте, делайте, что хотите, но только чтобы вас здесь не было! В этой квартире! Вообще-то эту квартиру предоставляет мне издательство, оплачивает проживание и питание. А вы мне тут совершенно не нужны!

Молчание. Потом Симонов посмотрел на двух молчаливых парней, на лицах которых не дрогнул ни один мускул, и тихо приказал:

– Ребята, выйдите.

«Ребята», не говоря ни слова, поднялись и вышли, плотно прикрыв за собой дверь, а мой собеседник повернулся ко мне и тихо сказал:

– У нас есть подозрение, что вас хотят похитить или убить. Вернее, так: это даже не подозрение, это уверенность.

Я почувствовал, как в животе у меня слегка похолодело, а сердце трепыхнулось, как птичка в клетке. Не каждый день узнаешь, что на тебя открыта охота! Только правда ли это? Что за игру ведет этот мужик? И вообще, кто он такой? Да! Вопрос интересный – а как я узнаю, что он – это он?!

– Я вам не верю! – сказал я после недолгого раздумья. – Вы пришли ко мне, представились Симоновым, рассказываете, что представляете посольство. Никаких документов не предъявили. И почему я вам должен верить? И да, главный вопрос – кто именно мне угрожает? И почему? Кому нужен какой-то там писатель-фантаст?!

– Вы знаете – почему! – Симонов пристально посмотрел мне в глаза. – Шаман.

Оп! Сердце ухнуло в пятки, и я на секунду прикрыл глаза, будто меня ослепило вспышкой – неужели?! Да ладно?!

– Я не знаю, о чем вы говорите. – Мой голос был таким, как всегда. Наверное, таким, как всегда. Не дрожал, не охрип – голос как голос.

– Вы знаете! – жестко сказал Симонов. – Неужели вы думали, что вас не вычислят?! И что, вы решили, будто вас так просто выпустили из страны?! Что вам никто не помогал? За каждым вашим шагом наблюдали! Мы знаем о вас все!

– Надо же, – легкомысленно хмыкнул я. – А я вот не знаю о себе все. Ну хоть кто-то знает! Поделитесь знаниями? Или оставите в неведении?

– Хватит ерничать, Карпов! – оборвал меня собеседник. – Вы – «Шаман»! Вас давно вычислили и не трогали только потому, что вы проходите под грифом… впрочем, какая разница, под каким грифом? Главное, о вас знает только Андропов и ряд доверенных лиц рядом с ним. А еще знаем МЫ.

Я замер. Таак… получается, тут две группировки? И к какой же принадлежит этот человек?

– Мы – это кто такие?

– Неважно! – Симонов обвел глазами комнату и потрогал уши. – Главное, что вы должны знать, наша задача – вас сберечь. Не дать вас уничтожить. И потому… потому вы должны согласиться на охрану. Одному не выжить. А еще я не хочу, чтобы какая-то случайность лишила нас вашего общества.

Мы помолчали, и тут Симонов предложил:

– А пойдемте где-нибудь пообедаем? В ресторан? Я угощаю!

– Халява? – задумчиво протянул я. – Хорошо. А усладите мой слух веселой беседой? Расскажете какую-нибудь сказку? Ну… чтобы переваривалось лучше!

– Услажу. Будет вам сказка! – понятливо кивнул Симонов, в глазах которого блеснул огонек смеха. – Только если она будет страшной, не испугаетесь?

– Надеюсь, нет! – серьезно кивнул я и шагнул к шкафу с одеждой.

Мы вышли на улицу под палящее солнце. Пекло действительно по-летнему, асфальт плавился, над ним даже возникали эдакие микромиражи – казалось, что на тротуаре разлиты темные лужи воды. Я в этот раз надел светлые смесовые штаны и майку с надписью «Я люблю Нью-Йорк». Купил в ближайшем магазинчике. Другие майки там были еще хуже – с совершенно идиотскими надписями, даже и с нецензурными. Выбрал нейтральную, ну и вроде как влился в ряды жителей Нью-Йорка, на самом деле, как оказалось, очень гордящимися своим городишкой. «Нью-Йорк – город констрастов!» Это точно. Не нравится он мне. То ли дело какой-нибудь Хвалынск… там и Волга есть! А тут… пруд в Центральном парке вместо Волги.

Кстати, Рон мне сообщил, что вечерами в Центральном парке лучше не гулять – если не хочу огрести проблем наподобие той, что случилась в происшествии с полицейскими. И если в этот раз скорее всего пройдет нормально – благо, что оба полицейских живы и дали за меня самые что ни на есть замечательные показания – то в другой раз может и не прокатить. Опять же от удара по балде бейсбольной битой из-за кустика сирени (или что там у них растет – жимолость?) не застрахован никто. Даже такой крутой мэн, как я. Шпаны вечерами и ночами в Центральном парке – просто как блох на бродячей собаке.

Кстати – да, я помню, читал. Это уже в двухтысячные Центральный парк превратился в практически безопасную площадку для прогулок горожан, а в семидесятые годы это было место беспредела. Да я и сам видел, когда по утрам пробегал по его аллеям – пушеры продают наркотики практически открыто. Ничего не стесняются, мрази! Вот кого бы проредить, выкорчевать… как поганые сорняки! Ненавижу наркоторговцев – они у меня в списке потенциальных кандидатов на уничтожение идут следом за маньяками-педофилами. Я бы их просто на кол сажал, была бы моя воля!

Но пусть этим местные мстители занимаются. У меня и своих дел хватает. Когда пробегаю мимо пушеров на утренней пробежке, посматривают из-под дурацких наркоманских капюшонов, но не докапываются. Видимо, морда моя не располагает к докапыванию. Да и зачем им? Ну бежит мимо какое-то… хмм… белое дерьмо, и пусть себе бежит! Не коп ведь, да и ладно. А шума лишнего им не нужно.

До ресторана идти недалеко – всего квартал, но пока шел, взмок, как после пробежки. Жара в больших городах просто невыносима! Дома прикрывают от ветра, раскаленные стены и асфальт накапливают тепло и отдают его с

эффективностью газовой печки. Чувствуешь себя багетом, только что посаженным в печь. Ты вроде бы еще жидкий, тестообразный, но корочка начинает уже хрустеть.

В ресторане – благодать! Кондиционеры по извечной американской привычке – на полную мощность, что для меня просто как бальзам на душу. Многие из моих знакомых в прежней жизни почему-то не терпели кондиционеров. Одни заявляли, что сразу болеют, так как в кондиционерах живут страшные ужасные бактерии, другие – типа сразу простывают. Третьим просто холодно, они любят жару. А я – пингвин. Мне бы градусов 15–17 тепла, и хватит. Если что – теплее оденусь.

Нас посадили (по нашему желанию) в отдельный кабинет (двух спутников оставили на улице). Принесли меню, и я, внутренне торжествуя, решил раскрутить Симонова на хорошенький обед, а потому взял стейк из самого дорогого мраморного мяса с жареной картошкой, ассорти из морепродуктов и отдельно – здоровенного омара. Ну люблю я раков, чего уж теперь!

Вина брать не стал – лучше холодного пива в такую жару ничего быть не может. Пиво тут не очень, это не чешское, и даже не крафтовое моих времен, но в общем-то вполне приемлемое, не хуже «Жигулевского» саратовского разлива.

Минут пять мы ели молча, а когда утолили голод и челюсти задвигались не так быстро, Симонов мне сказал:

– Вы же понимаете, что вас слушают? Вас не зря поселили в эту квартиру. И номер ваш прослушивался. Потому я и не мог вам сказать ничего дельного.

– Прекрасно понимаю, – пожал я плечами. – Ну вот теперь и говорите… дельное! Во-первых, давайте-ка играть всветлую. Хватит этих шпионских игр, товарищ Гоголь!

– Почему Гоголь? – удивился Симонов.

– Николай Васильевич, – ухмыльнулся я. – Взяли имя-отчество классика, присобачили к нему фамилию советского писателя – вот и получился эдакий Симонов-Гоголь! Ладно, ваше дело. К главному – кто вы и кого представляете?

– Кто я – вам не скажу. Симонов я… Николай Васильевич. Представляю… помните, кому вы еще писали письма?

– И кому? – Я насторожился, взял в руки бокал с пивом. – Мало ли кому я чего писал!

– Это Шэ. Вы ему писали, когда поняли, что с Андроповым и Брежневым каши не сварите.

– Как на меня вышли?

– Мы? Мы вышли на вас через окружение Андропова. А он как вас вычислил – это ему виднее. У нас в КГБ осталось достаточно верных людей, настоящих профессионалов, патриотов своей страны. Мы хотим изменить нашу страну! Сделать ее лучше! И вы нам нужны. Вы нам очень нужны! И мы боимся, что с вами что-то случится. Вот почему принято решение приставить к вам наших ребят. Это хорошие ребята. Они за вас жизнь отдадут, если понадобится!

Я задумчиво выкрутил клешню погибшего в цвете лет омара, взял щипцы и с хрустом проломил прочный панцирь. Достал нежное, вкусное мясо, присолил и с наслаждением пожевал. Проглотил и тут же отправил вслед добрую порцию ледяного пива – хорошо! Жить хорошо! «А хорошо жить – еще лучше!» – как сказал один забавный персонаж.

– Не вяжется! Не вяжется у вас, свет-Николай Васильевич! – вздохнул я, откидываясь на спинку кожаного дивана. – С какого рожна тогда Андропов выпустил меня из страны? И если выпустил – с какого рожна он теперь хочет меня убить? Или похитить! Если он все знал! Логика-то должна быть!

– Ситуация могла измениться, вы не находите? – Симонов посмотрел мне в глаза – Наверху все друг друга подсиживают, все подслушивают, подсматривают, норовят занять место повыше – идут обычные ведомственные склоки. Информация утекает – даже из кабинета председателя КГБ. Андропов знает, кто вы. Цвигун знает. А раз знает Цвигун – знает и Брежнев. И вполне вероятно, что он счел необходимым отдать приказ вас захватить или при невозможности захвата – уничтожить. Допускаете такое?

– А зачем ему это? Брежневу? Я бы сам приехал в страну, они могли меня взять и дома. Зачем им это делать здесь?!

– Здесь вас могут только убить. Один укол отравленной иглой – и вы не жилец. Как только узнают, что вы не собираетесь возвращаться – вас убьют. По одной простой причине – никто не отдаст американцам такой ценный источник информации! Вы знаете столько, что вас лучше убить!

– Интересно… а Брежнев поверил моей информации? – задумчиво протянул я, катая в пальцах шарик из хлебного мякиша.

– По нашей информации – Брежнев считает, что вы провокатор. Агент спецслужб – то ли США, то ли Англии. Спецслужбы передали через вас кое-какую правильную информацию – вроде той, что о катастрофах и все такое, чтобы с помощью нее протащить основное – сбить с правильного курса нашу партию, нашу страну. Вы – агент влияния, товарищ Шаман. Если не удастся вас захватить и выдоить сведения полностью – нужно просто уничтожить.

– Ну не вяжется! – с досадой повторил я. – Откуда я мог узнать о предстоящих событиях? Об угоне самолета? О катастрофах?

– Да мало ли… может, нарочно подстроили! Сами! Или провидец, но еще и провокатор! Карпов, запомните – Брежнев никогда, слышите, никогда не пойдет ни на какие реформы! И все, кто будет ратовать за реформы, будут устранены! Я вообще не понимаю, какого черта вы написали Брежневу и Андропову? Это же глупо! Неужели вы не понимали, что это ничего не даст? Думали, они тут же кинутся исполнять ваши… хмм… мечты? Примут ваши планы преобразования страны? Глупец! Все, что вы сделали – вызвали огонь на себя! И теперь нам придется расхлебывать содеянное! Сразу надо было писать Шэ. Сразу!

– Если вы такие умные, чего строем не ходите! – раздраженно фыркнул я. – А без меня что, не могли реформами заняться? И кстати, что решили по моему письму? Будут какие-то подвижки?

– Все будет… в свое время! – туманно пояснил Симонов. – Вас бы уберечь… повторюсь – вы нам нужны!

– Я всем нужен… – буркнул я злобно. Настроение было безнадежно испорчено. Ну да, я начудил, да, не продумал как следует, купился на рассказы о «добром дедушке Брежневе». А надо было задуматься о том, что наверху нет добрых дедушек! Есть интриги, есть кровь, есть смерть! Я же читал, как убирали тех, кто мешал Брежневу! Как люди засыпали и не просыпались! Помнил, как убрали Машерова! Он еще жив, Машеров… пока. Брежнев тогда узнал, что Машеров взял начальником охраны бывшего партизана, с которым некогда вместе воевал. И Брежнев эдак недовольно спросил: «Чего это он окружает себя своими партизанами?» И после того в машину Машерова влетел грузовик с картошкой.

Грязь, везде грязь! Я и в Шелепине не уверен, но все-таки он показался мне приличнее других.

Как уберечь себя? Президентов убивают, а уж какого-то там писателя… наивный я все-таки. Решил, что известного писателя сложно грохнуть. А несложно. Совсем не сложно! Бах! И нет писателя.

– Хорошо. Я понял. Что мне делать? Ну… кроме того, что за мной везде будут ходить ваши мордовороты. Кстати, а как вы обоснуете то, что они за мной ходят? Вот что я скажу Рону?

– А то и скажете, что к вам прикрепили охрану после того, как вас едва не убили на улицах города.

– Господи… ну какая чушь, а?! Вы сами-то понимаете, что говорите?! Я постоянно на виду, и вот за мной начинают ходить два телохранителя! Это как?! Кто их приставил? Зачем? И что, они уберегут меня от пули? От укола зонтиком? Не смешите, Симонов! Это же полная глупость! Я на такое не соглашусь. Хотят охранять – пусть это делают незаметно. Я запрещаю за мной ходить, как два хвоста. В прямом столкновении, если что – я сам отобьюсь, а от пули два парня за спиной меня не спасут.

– Возвращаться домой вам пока нельзя. – Симонов вроде как и не слышал моих слов. – То, что вас не выпустят из США, пока не закончится расследование – это нам на руку. Сидите тут, и в Союз пока даже не думайте ехать. Затяните выезд как можно на более долгий срок. Благо, что виза у вас открыта на несколько лет. Как только пересечете границу Союза, считайте, вы пропали.

– И сколько мне здесь сидеть?

– Сколько понадобится. Вас известят, когда можно вернуться. Кстати, говорить, чтобы вы не поддавались на вербовку штатовцев – надо?

– Не надо.

– Это хорошо. Потому что если мы узнаем, что вас завербовали…

Мы помолчали. А что еще говорить? Все вроде ясно. Кроме одного.

– А на что мне жить? Деньги-то у меня кончаются. На время расследования мне квартиру издательство оплачивает, а дальше что?

– Вот… – Симонов достал конверт и положил его передо мной. – Здесь четыре тысячи долларов. Вам хватит. Там внутри записка с контактным телефоном. Запомните его, записку я уничтожу. Нестеров пока останется с вами, чтобы не вызывать подозрений. Парни будут охранять скрытно – в этом вы правы. Не надо привлекать внимания. Ну, вроде все… вопросы есть?

Вопросов нет. Пока нет. Обед был съеден, пиво допито – пора и честь знать! Вернее, пора за станок. Работу надо работать, роман сам не напишется. О чем я и сообщил моему собеседнику. И мы ушли из ресторана.

Глава 2

В больницу прошли легко, как я в Союзе – в издательство. Ну вот нет пока здесь бенладенов, игилов и прочей мерзости! Пока нет – Штаты их еще не вырастили. Вот как вырастят, тогда и появится здесь жесткая охрана с металлоискателями и все такое прочее. А пока – толстый охранник в непонятной униформе, который сидел за «прилавком» и не обратил на нас ровно никакого внимания. Почти не обратил. Идут люди – и пускай себе идут. Значит, имеют на то право.

Кстати сказать, через пару минут я узнал, почему он был так спокоен – охранник, это первая линия обороны. На взгляд он определил, что мы не

сумасшедшие, не наркоманы и в руках не держим топоры, бензопилы для расчленения граждан и моргенштерны – значит, можем идти дальше. К следующему барьеру.

А следующим барьером была огромная, просто-таки необъятная негритянка в халате медсестры, которая грудью встала на пути нечестивцев, посмевших нарушить покой больницы. Утрирую, конечно, покоем тут и не пахло, по коридору сновали туда-сюда люди в больничных халатах, мимо прокатили две инвалидные коляски (я уже знал, что в таких тут возят всех больных – положено! Нечего самому ходить!), стойку с капельницей и столик с медицинским инструментом – со следами крови, между прочим. Но это не имело никакого значения. Негритянка встала перед нами стенобитной машиной, и на ее толстогубом лице, напоминавшем знаменитые африканские маски, устойчиво держалось выражение надменности и даже брезгливости. Будто каких-то тараканов увидела!

– К кому идете?! Стоять!

Мне сразу вспомнилась учебка, и мерзкий голос сержанта Потапенко, который с ухмылкой отправлял нас на дополнительную пробежку. «Кули вылупились?! Стоять-бояцца! Бегом на полосу препятствий! По команде… начали!»

– Это русский, Майкл Карпов, – едва ли не заискивающе начал Рон. – Он хочет навестить полицейского, Джулио Герра! Узнать, как тот себя чувствует! Ведь это Карпов спас ему жизнь, зажал рану! Как мы можем пройти к Джулио?

– Ногами, как еще?! – хмыкнула негритянка, но взгляд ее явно смягчился, а из голоса ушли эти сержантские нотки. – Сейчас спрошу у доктора Гоффа, можно ли пройти к Герра. А вы тут стойте! И никуда не лезьте! Ходят тут…

Честно сказать, меня даже смех разобрал. Ну везде, везде одно и то же! «Ходют и ходют, ходют и ходют… топчут тут! По помытому ходют! Ноги бы поотрывала!»

Итак, вторая линия обороны. Сейчас появится защитник третьей линии.

Ждать пришлось минут пять, и я уже думал, что никто не появится. Но он появился. Высокий, элегантный, с красивыми очками в золотой оправе на носу – доктору на вид было около сорока лет. Темные волосы с проседью, белоснежные

зубы, белая рубашка с галстуком – да тут сразу видно, что врачи в США – одна из самых престижных и высокооплачиваемых профессий!

Кстати, я никогда не понимал, зачем, почему у нас в стране так идиотски власть относится к медицинским работникам. Их ведь буквально толкают на то, чтобы они брали деньги с больных!

А еще практически выталкивают лучших, самых квалифицированных врачей в платные клиники. Если у врача оклад пятнадцать тысяч – это как так?! Кто это установил?! Кто решил, что врач должен получать такие деньги, проучившись медицинскому делу минимум как десять лет! Вначале институт, потом интернатура – годы и годы напряженной работы… Ради чего?! Ради пятнадцати тысяч?!

И они начинают брать деньги. За все, что возможно. За операцию, за наркоз, за все, что угодно! Жить-то как-то надо?!

Или уходят в платные клиники, оставляя вместо себя недоучек, непрофессионалов и просто лентяев.

Врачебные ошибки? А как не быть врачебным ошибкам у ЭТИХ, что остались в «бесплатной» медицине, потому что их не взяли в платные клиники?

И единственный способ побороть это безобразие – поднять оклады до заоблачных высот. Чтобы и в России врачи были самыми высокооплачиваемыми работниками. И да – ТОГДА уже карать их и за непрофессионализм, и за врачебные ошибки, и за лень. И врачи будут держаться за место. Будут работать, будут повышать квалификацию! Потому что это выгодно. Просто-напросто выгодно быть профессионалом!

– Господа, что хотели? Посетить Джулио Герра?

Врач оказался на удивление доброжелателен и улыбался нам открыто и без малейшего налета недовольства или досады, мол, пришли, натоптали и все такое. Нет, это его работа, и он с нами ее исполняет. Все в порядке!

Рон еще раз объяснил, чего мы хотим, доктор кивнул и коротко распорядился:

– Проводи их, Сильвия. Господа!

Доктор царственно кивнул и удалился, оставляя за собой шлейф запаха хорошего, очень дорогого одеколона. Именно хорошего, именно дорогого – я хоть и солдафон, но честно скажу – обожаю хорошие одеколоны. Моя жена иногда дарила мне хороший одеколон, или, как их стали называть, «туалетную воду». Отвратительное, кстати, название – «туалетная вода». Так и видится грязный общественный сортир с журчащей в унитазе водой, и…

Но не будем о плохом. «Богарт» мне всегда нравился – мужской одеколон. Только вот потом он испортился, сделался «китайским», то есть некачественным, нестойким, легко выветривающимся.

Впрочем, все в этом мире со временем становится хуже. Вино прокисает, превращается в уксус. Пирамиды обваливаются. Горы обрушиваются. Ну, и вот «Богарт» стал водой из туалета. Увы.

– Красавчик! – неодобрительно буркнула негритянка, когда доктор отошел на достаточное расстояние. Она сказала это так, как если бы назвала его по-другому. Более резко и гендерно.

Потом Сильвия смерила меня взглядом, пройдясь по моему организму сверху донизу, но похоже, что осталась довольна увиденным зрелищем, потому что голос ее не был уже таким, каким она сказала вслед доктору – пи… хмм… красавчик!

– Это ты, что ли, Джо нашего спас? Видела тебя по тиви. Ты ничего так мужик, тощеват только! Тебе нужно жену, которая хорошо готовит! Она откормит тебя как следует! А то задница с кулачок, и подержаться-то не за что!

«Как следует» – это, видимо, как Сильвию, больше смахивающую на африканскую слониху, чем на человека. Что, впрочем, не мешало ей передвигаться достаточно быстро, чему явно помогал ее высокий (почти как у меня!) рост. Пока шел, никак не мог удержаться от того, чтобы не уткнуться взглядом в здоровенные ягодицы медсестры, перекатывающиеся перед глазами, как два огромных футбольных мяча. И ничего от сексуальных позывов в этом взгляде не было – чистое любопытство и завороженность эдаким природным явлением.

Шли мы минуты три – поднялись на этаж, прошли метров десять налево от лестницы, и Сильвия толкнула дверь, трубно возглашая о своем прибытии:

– Эй, Джо! Хватит дрыхнуть! К тебе твой спаситель! Помнишь этого парня?!

Я посмотрел на кровать, где лежал тот самый толстяк, из-за которого я испоганил купленную в «Березке» дефицитную джинсовую рубаху (я ею затыкал его рану, чтобы он не истек кровью), и убедился, что медицина в Штатах вполне себе умелая и умеет вытаскивать практически из загробного мира убежавших туда «ранбольных». Не хуже российских врачей умеют, точно. А может, и получше – за такую-то, как у них, зарплату! «Красавчики»…

– О! Привет, мужик! Тебя Майкл звать, да? – Джулио Герра похудел с того раза, как я его видел, но был вполне упитан, точно по стандартам нашей доброй медсестры Сильвии. И он был искренне рад, что я здесь появился. Впрочем, я его понимаю, скукотища же!

– Проходи, мужик! Ты меня спас! Я тебе обязан! – Герра осторожно, хромая, шагнул ко мне, протянул руку и довольно-таки крепко, до боли в ладони пожал. Я всегда знал, что «толстяк» – это не синоним «хилый». Хилый человек такую кучу плоти не потаскает, волей-неволей силушки наберешь.

– Это Рон, мой… приятель! – кивнул я на своего спутника. – Вот, решили тебя навестить, посмотреть, как дела!

– Да как дела… лечусь! – Джулио указал на повязку, стягивающую его плечо. – Даже вставать разрешили! Скучно только! Кстати, гляди!

Он, сильно хромая, подошел к тумбочке, взял с нее книгу и показал мне:

– Видал? Твоя! Я когда в сознание пришел, мне рассказали, как ты меня спасал. Ну и кто ты такой. А лежать-то скучно, я и попросил твою книжку принести – ну надо же знать, что за русский такой меня спас! Я тебе честно скажу, думал, книжка – дерьмо какое-нибудь. Я вообще-то не очень люблю длинные книжки читать – скучно! Лучше тиви посмотрю, ну или комикс полистаю. А тут взялся читать и оторваться не могу! Парень, ты крейзи! Только крейзи такое мог напридумать! И давай, подписывай книжку! Пиши: Джулио Герра от автора с

любовью!

– Эээ… ммм… может, не надо – с «любовью»? – слабо трепыхнулся я. – А то получается, как будто девушке пишу! Мы же с тобой не девушки, вдруг кто-то не так подумает…

– Ха-ха-ха… Джо, ты болван! – захохотала толстая Сильвия, и ее груди колыхнулись, как два чугунных шара для сноса зданий. – С любовью, понимаешь ли! Голубок, что ли?! Да вроде ты заглядывался на Кристину, а? Вроде нормальный? Или ты на две стороны?

– Хмм… – Джулио вытаращил глаза, и брови его поднялись «домиками». – Правда, как-то не очень получается. Парни засмеют! Просто напиши: Джулио Герра на память от автора. И распишись. Сдается мне, скоро твоя книжка с твоим автографом будет стоить целое состояние!

– Пойти купить, что ли? – задумалась Сильвия. – Парень, ты, оказывается, знаменитость! Да, куплю. Стой тут и никуда не уходи! Магазин рядом, я скоро приду! И вот тут уже, если ты не напишешь «С любовью Сильвии», я тебя задушу!

– Она может! – с уважением протянул Джулио, глядя на удаляющиеся окорока медсестры. – Железная баба! Как дорожный каток! Наедет – только лепешка останется. Ну ладно, хорошо, что надумали зайти. А то мне тут скучно, аж выть хочется!

– Мы тебе тут вкусного принесли. – Я поставил пакет возле тумбочки у кровати. – Ты как насчет вкусного? Или диету держишь? Смотрю – похудел!

– Похудеешь тут! – скривился Джулио. – Кормили только через трубку, лекарствами. Но сейчас ничего, уже бегаю, почти как олень! Всего две недели прошло, а я уже почти здоров! Здоровая порода – Герра все такие сильные! Нас так просто не одолеешь! Давай свои вкусняшки! Кстати, случайно виски не захватили? Нет? Вот же беда! Ну что плохого будет, если я выпью дринк-другой виски? Да мне это только на пользу! О! Пончики! Обожаю пончики! Да вы садитесь, парни, чего застыли-то? Вот – на стулья! О! Кола! Обожаю колу! И гамбургеры! Да ты кудесник, Майкл! Кстати, вот авторучка, подписывай! Ага… вот так…

И тут распахнулась дверь, в нее вошел… напарник Герры – Джек Райан! Кто бы мог подумать, ага… «вся моя семья набежала»!

– Ооо! Джек! Ты глянь, кто тут у меня! – громко завопил Герра, быстро глотая кусок пирожка, который американцы почему-то зовут пончиками. – Это же Майкл Карпофф! Спаситель наш! Смотри, какие пончики притащил! Вкуснота! А тебе не дам. Ты должен держать диету. Хоть кто-то из нас должен быстро вылезать из машины и защитить своего напарника? Вот это будешь ты!

– Сукин ты сын, Джо! – ухмыльнулся Райан, протягивая мне руку. – Опять жрешь?! На том свете черти в аду будут вилами тебе запихивать эти пончики во все твои дырки! Узнаешь тогда, что такое грех чревоугодия! Зря вы ему, ребята, принесли пончики. Его ограничили в мучном, чтобы в другой раз быстрее вылезал из машины и как следует стрелял. Кстати, Майкл, а где ты научился так стрелять? Ты русский коммандос?

Мда. Пересказывать свою легенду в очередной раз у меня не было совершенно никакого желания. Но пришлось. И снова, как и всегда бывало, мой собеседник таращил глаза, удивляясь фантастической истории, и снова задавал глупые вопросы – а может, я инопланетянин? А может, я вообще не русский? И я должен был терпеливо объяснять, что, если я и нерусский, а может, даже инопланетянин – откуда я это могу знать, если не помню? И как частенько бывало – собеседник смеялся, поняв, насколько абсурдны эти вопросы. В общем – все, как всегда.

– Слушай, Майкл… – Рыжий коп замолчал, подбирая слова. – А ты не мог бы нам показать, как ты стреляешь из пистолета? Я попрошу капитана, чтобы он допустил нас с тобой в тир, и ты нам покажешь, что умеешь! Или давай соревнование устроим! У нас есть парни, которые с удовольствием покажут тебе класс! Это мы с Джо такие сукины сыны, что промазали с двадцати футов, а у нас есть такие парни, что ого-го! И кстати, покажешь, как умеешь драться!

– Ты чего, Джек? – Герра довольно хохотнул. – Ты что, не видел, как он на рестлинге метнул этого черномазого?! Тот как мяч полетел!

– Джо, ты как ребенок! – Джек укоризненно помотал головой. – Там же все постановка! Это все неправда! Так ведь, Майк? Это ведь постановка была?

– Постановка, – вздохнул я, – но только я об этом не знал.

– Не знал он, точно! – ухмыльнулся Рон. – Парни, а если и правда устроить такое шоу? Ну вот, к примеру, приходит Майк, и вы с ним соревнуетесь? Снимем на камеру, а потом покажем по тиви! Как вам такое?

– Хмм… я не знаю… – неуверенно ответил Джек, пожимая плечами. – Надо у капитана спросить. Рон, а ты чем занимаешься? Ты кто вообще, кем работаешь?

– Я прикреплен издательством вот к этому крутому парню! Вроде как его водитель. – Рон расплылся в улыбке, показывая на меня пальцем. – А еще я его пиарю, чтобы книжка продавалась! Паблисити! Бой на арене – это я ему организовал. Но Майк ничего об этом не знал, клянусь! Он серьезно взял и метнул этого парня! Ну, а тот решил уже, что хватит – можно и поваляться. Это же игра, парни. Вся наша жизнь – игра!

– Он что-то вроде моего секретаря, – пожал я плечами. – И папочки. Опекает меня, чтобы не обидели.

– Хе-хе-хе… тебя обидишь! – захохотал Джулио и тут же охнул. – Болит еще, сука! Домой просился – не выпускают. Говорят, еще понаблюдать за мной надо. Слушай, Джек, а здорово было бы устроить то, что Рон говорит! И наш участок попиарить – занимаемся тренировками, вот решили с русским парнем, известным писателем, посоревноваться! А что, здорово было бы! И на память! Если Рон не врет, то представляешь, как интересно – наши семьи нас увидят по тиви! И я приду – просто убегу из больницы, если не отпустят!

– Обещаю, если дадут согласие на это мероприятие, будет вам тиви! Самый известный канал! – убедительно закивал Рон. – Клянусь! Вот моя визитка, пусть ваш капитан, или кому он там поручит, позвонит мне, когда все можно устроить, и мы устроим. Покажем вашу жизнь, как вы в участке работаете, а потом соревнования – и по стрельбе, и по рукопашному бою. Может, хоть кто-то наваляет этому чертову русскому! Да сколько же можно! Кто-то же должен его победить?!

Все захохотали, и я тоже не удержался от улыбки. Уж больно заразительно смеялись мои собеседники. Ну, а мне, если честно, было не очень смешно. На самом деле я устал от жизни в Америке и ужасно хотел домой, в свою тесную

квартирку, к Ниночке, к своей печатной машинке, в Москву 1971 года – такую уютную и еще не задавленную автомобильными пробками. Москву, которая как-то незаметно, но уже стала моим родным городом.

Только вот в ближайшие недели, а то и месяцы поездка в Москву для моего здоровья не очень-то и полезна. Скорее всего, по приезде на свою дорогую родину окажусь я где-нибудь в дурдоме, где из меня вначале выкачают все знания, которые имеются в моей голове, ну, а потом будут время от времени колоть мне нехорошие уколы, чтобы выглядел я полным идиотом и ни один здравомыслящий человек не поверил бы ни одному моему слову.

И в самом деле только идиот может говорить, что в начале девяностых годов Советский Союз распадется и вместо него на территории бывшего великого государства останутся полтора десятка стран, часть из которых вдруг безумно возненавидит соседей, а конкретно – Россию, которая их всех и объединяла. Ну вот кто, кто сейчас может поверить в ТАКОЕ?! Бред же, ясно. Страшный, тяжелый, шизофренический бред. И носителя такого бреда надо лечить. Хорошими такими, горячими уколами! Повышающими температуру и выбивающими из башки всякую дурь.

Как там было написано у генерала Григоренко, которого за его «завиральные» идеи засунули в писхушку? «Паранойяльное (бредовое) развитие личности с присоединением явлений начального атеросклероза головного мозга. Невменяем. В спецпсихбольницу на принудительное лечение».

Это ведь и моя судьба. И кстати, боюсь, что при любом раскладе. Что, Шелепину я буду нужен после того, как выдам все сведения по будущим событиям? Или Семичастному? Который как раз и гнобил того же Григоренко, время от времени то арестовывая, то засовывая в психушку. Здесь не 2018 год, и принудительная психиатрия цветет буйным цветом! Это в 2018 году нельзя человека без его согласия сунуть в психдиспансер – здесь, в 1971 году, в Союзе – запросто. Со свистом полетишь к людям в белых халатах!

И каждый раз, как думаю об этом, убеждаюсь: единственное, что меня может уберечь от такой участи, – мировая известность. Если я буду известен во всем мире как автор супербестселлеров, никто не посмеет меня держать ни в психушке, ни в золотой клетке! По крайней мере шансов уберечься у меня будет гораздо больше. Это без всякого сомнения.

Мы посидели еще минут пятнадцать, а потом появился лесник и всех нас разогнал. Не лесник, само собой – Сильвия. Она притащила с собой мою книжку, заставила расписаться: «Сильвии – с любовью!», а потом выперла нас из палаты, заявив, что, если мы не уберемся, Джо, осел такой, сдохнет, и это будет на ее совести. А у нее на совести и так слишком много, чтобы Сильвия не попала в ад. Так что и я с Роном, и Джек вылетели из больницы со скоростью метеора.

– Эту бабу бы нам в патруль! – ухмыльнулся Джек, когда мы проходили через высокие больничные двери. – Это танк, а не баба! Преступники боялись бы ее, как огня! Кстати, Майк, спасибо тебе!

– За что?

– Ну, во-первых, за то, что нас выручил. Если бы не ты, нам бы конец. А во-вторых, за то, что на пресс-конференции за нас вступился. Не стал про нас гадости говорить.

– А почему я должен был про вас говорить гадости? – искренне удивился я. – Вы исполняли свой долг, попытались за меня заступиться. А то, что вам не повезло – так это бывает. Надо просто почаще тренироваться в стрельбе, и все получится. Ты ведь нечасто стреляешь, так?

– Ну почему… – Джек слегка смутился. – Стреляю. В тире. Только сам понимаешь – там спокойно, и никто не бежит на тебя с ножом. Я так-то неплохо стреляю, но как-то сразу растерялся… Да и Джо вполне сносный стрелок. Если бы его сразу не ранили, им бы мало не показалось. Так что ты все точно сказал – нам просто не повезло.

– Не везет в смерти – повезет в любви! – задумчиво протянул я, и только когда увидел удивленное лицо Джека, опомнился: – Это песенка такая… хмм… есть. Слова там такие: «Девять граммов в сердце – подожди, не жди. Не везет мне в смерти – повезет в любви!» Так что теперь жди – любовь у тебя возникнет огромная такая! Настоящая!

– Боюсь, моей жене это не понравится… – задумчиво протянул Джек, и мы все втроем расхохотались.

А потом расстались. Напоследок Джек сказал, что обязательно поговорит с капитаном насчет нашего предложения. Джек пошел в одну сторону, а мы с Роном – в другую.

– Из прокуратуры не звонили? Никто не приходил? – вдруг спросил меня Рон, шагая рядом с очень задумчивым видом. – Когда ты собираешься домой, в Союз?

– Когда? – задумался я. (И правда – когда?) – Не знаю, Рон. Честно скажу: не знаю! Во-первых, прокуратура пока что не шевелится, расследует. Во-вторых… хватит и во-первых. Виза-то у меня на несколько лет, так что я ведь могу и здесь пожить? Так ведь?

– Так, – кивнул Рон, – тебя никто не гонит. Только хочу предупредить – квартира оплачена издательством до конца месяца. Я тебе уже говорил, Страус – прижимистый человек, каждый доллар считает. Я, конечно, с ним поговорю, но… имей в виду то, что я тебе сказал. И вот еще что… с тобой тут кое-кто хочет встретиться, поговорить. Ты не будешь против?

Ага. Долго же ты телился! Я ждал этого уже на второй день моего нахождения в Америке. Что-то ты долго, братец, раскачивался. Или не ты раскачивался? Впрочем, какая мне разница?

– А где со мной хотят встретиться?

– В ресторане отеля «Ритц-Карлтон». Заодно и пообедаешь, как ты говорил? На ха-ла-ву!

– Халява, – усмехнулся я. – То есть бесплатно, за чужой счет. Ну почему бы не поесть за чужой счет? Поехали.

Отдельный кабинет, в кабинете – двое. И эти двое так похожи на моих посетителей из советского посольства, что просто смех разбирает. Нет, не лицом похожи и даже не фигурой, хотя второй мой собеседник очень был похож на телохранителей, которых мне навязывал Симонов. Похожи они были чем-то неуловимым, тем, что трудно определить словами, но чувствуется подсознанием. От этих двоих пахло спецслужбами так, как если бы у всяких там ЦРУ или АНБ со всякими фэбээрами был свой, особый запах – ну как у дохлятины, к примеру. Или как у общественного нужника на захолустной бензоколонке.

Мне предложили сесть в кресло – обычное кожаное кресло, но я заметил, что оно чуть ниже, чем стулья моих собеседников. Фактически они нависали надо мной, глядя на меня сверху вниз строгими, пронизывающими до печенок взглядами. И это мне очень не понравилось. Как не понравилось и то, как они предложили мне сесть – ни «здрасте», ни «привет, как дела?» – просто жестом, как дрессированной собачке. Потому я помедлил, прежде чем усесться – эдакий маленький бунт, демарш против самодовольных придурков, считающих себя выше других не за счет своего ума и достигнутых результатов, а просто потому, что они занимают некоторую должность. И считают, что могут вершить судьбы людей, а соответственно являются людьми высшего сорта.

Возможно, что я и ошибаюсь – первый взгляд, первое впечатление может быть и неверным, но вообще-то это срабатывает практически всегда. По крайней мере у меня. Ну есть у меня чутье на всяких придурков! Жизнь заставила научиться отделять зерна от плевел.

– Вы Михаил Карпов? – на вполне сносном русском языке с чуть заметным акцентом спрашивает мужчина постарше, круглолицый, с глазами-пуговицами. Взгляд острый, колючий, неприязненный. Чем я ему так не угодил? Чего он на меня смотрит зверем?

– Кто спрашивает? – ответил я спокойно, разглядывая потолок кабинета. Потом перевел взгляд на стол, на котором стояли холодные закуски, и, подцепив вилкой кусочек копченого лосося, отправил его в рот. Ведь я пришел сюда вроде как пообедать?

– И распорядитесь насчет горячего, – так же спокойно продолжил я в глубокой тишине. – Хочу есть.

Похоже, что у них тут в кабинетах очень даже крутая звукоизоляция. Зачем, спрашивается? Вряд ли для шпионских игрищ… скорее всего просто для любовных встреч. Чтобы не мешали другим посетителям. Вот и широкий диван… вряд ли, чтобы на нем отдыхали агенты ЦРУ.

– Рон, ты сказал, что я здесь пообедаю! – не унимался я, глядя на то, как переглядываются двое наглых ослов. – Распорядись, чтобы подали стейк из мраморного мяса, картофель фри – пусть хорошо поджарят картофель, чтобы хрустел! Терпеть не могу вялые ломтики, похожие на мягкие письки

импотентов! А стейк пусть прожарят, чтобы никакой крови. Я не люблю кровь. И да – пусть подадут свежевыжатого апельсинового сока. Побольше, кувшин! Давай, Рон… а то у меня кишки поют гимн голоду!

Рон медленно кивнул, посмотрел на парочку типов рядом со мной и неспешно вышел из кабинета. Теперь хоть поем как следует, ну что такое холодные закуски на обед? Это сухомятина позорная, надо же горячего поесть?

Откинулся в кресле, прикрыл глаза. Не буду облегчать этим кадрам их задачу. Пусть сами думают, как со мной разговаривать. Я Симонову хамства не спустил и этим многоумным не спущу.

– По-моему, вы не понимаете вашего положения! – проскрипел старший, снова пытаясь просверлить во мне дыры своими глазами-буравчиками.

– Нормальное у меня положение, – с доброжелательной улыбкой ответил я. – Сижу, жду. Удобно сижу. Сейчас принесут стейк с картошкой, поем как следует. А потом пойду работать. Вот что, господа… вы что, решили – перед вами подросток? Или какой-то книжный червь, не вылезающий из своих грез и не знающий жизни? Да от вас воняет спецслужбой, как от помойки! Говорите, что хотите, да и убирайтесь! Но до того оплатите мой обед. Это вы меня пригласили, а не я вас. Итак, слушаю! Но прежде представьтесь, или я с вами вообще разговаривать не буду.

Мужчины переглянулись, и тот, что постарше, выдавил из себя с явным нежеланием и неприязнью:

– Я – Томас Уокер. Он – Энтони Браун. Мы представляем правительство Соединенных Штатов Америки. Мы уполномочены сделать вам предложение.

– От которого я не смогу отказаться? – хмыкнул я и оглянулся на дверь. – А нельзя ли подождать, пока я не поем? Голодный я очень злой и неуступчивый.

– Мы не мафия! – недовольно буркнул Уокер. – Чего вы себе возомнили?

– Я себе возомнил, что сейчас вы меня будете вербовать, – безмятежно улыбнулся я. – Что сейчас вы мне расскажете, что меня можно обвинить в

убийстве пятерых граждан США и посадить на всю оставшуюся жизнь. А еще, что у меня найдут наркотики и посадят как наркодилера. Так… что еще? А! Самое главное забыл! Меня разоблачат как русского шпиона, найдут у меня фотопленку с совершенно секретными документами. Фото сверхсекретного унитаза в Пентагоне. Скорее всего выставлять меня маньяком вы не будете – слишком уж глупо. Еще что-то придумали? Или я все перечислил?

Переглянулись, тот, что помоложе, слегка покраснел – то ли от стыда (что сомнительно, откуда стыд у агентов спецслужб?), то ли от злости (это вернее). Затем старший сердито буркнул:

– Повторюсь, вы слишком много о себе возомнили! Думаете, что такой неприкасаемый? Думаете, вас нельзя тронуть?

– Думаю – можно! – хмыкнул я. – Но не за все места! Если трогающий не женщина, конечно. Вот та может потрогать за все места. Но опять же – красивая женщина! Некрасивым я трогать себя не дам!

– Все ерничаете? Развлекаетесь? – Уокер вздохнул и посмотрел на коллегу. – Объясни ему, Тони. Я уже устал с ним разговаривать.

– Господин Карпов! Если вы откажетесь с нами сотрудничать, то будете получить большую неприятность! – с жутким акцентом выдал спутник Уокера. – А если будете сотрудничать, то вы получать все блага.

– И какие блага? – поинтересовался я с живым интересом. – Денег дадите? Пару миллионов долларов?

Переглянулись, нахмурились, хотя вроде куда еще больше? Рожи такие, будто проглотили кактус, и он у них застрял на выходе, а потому пациенты сильно страдают.

– Насчет миллионов долларов я не уверен, но вы получите гражданство США и все права, которые имеют наши граждане. Да и зачем вам эти миллионы? Вы и так зарабатываете столько, сколько и не снилось рядовому гражданину и США, и Советского Союза!

Это был Уокер. Важный такой, про гражданство США говорит так, будто это настоящее сокровище! А мне вот не надо вашего гражданства! И что тогда? Ну, вообще-то можно и спросить…

– А что мне с вашего гражданства? Зачем оно мне?

– Как?! Вы не хотите получить гражданство США?! Гражданство самого могучего, самого богатого государства с равными возможностями для всех! Получив гражданство США, вы знаете – за вами стоит мощь огромного государства, и случись что-то с вами, это государство обрушится на вашего обидчика всей мощью своих вооруженных сил!

– О господи! – Я даже глаза закрыл. – Вы кому это все говорите?! Всю эту чушь?! Лучше бы рассказали, какие гадости меня ждут в случае отказа от сотрудничества. Как меня будут мучить, как пакостить всеми возможными способами. Вот это будет – я вам верю! Твари вы мелкие, злобные и мстительные. Впрочем, как и все сотрудники спецслужб. Вы – бессовестные гады, которые портят людям жизнь ради иллюзорных «государственных интересов». И расскажите мне – вот, к примеру, я дал согласие на сотрудничество. И в чем оно будет заключаться? Вот на самом деле – в чем? Я не допущен ни к каким секретам, не сотрудник КГБ и не секретный ученый! И бегать – передавать бумажки или еще что-то такое я не собираюсь! Так чего вам от меня надо?

– Так вы все-таки готовы сотрудничать? – Голос Уокера стал масляным, прямо-таки сочился маслом. Сейчас я должен был бы как настоящий герой и патриот сказать: «Советский пионер отказывается иметь дело с проклятыми агентами мировой буржуазии! И можете меня за это расстрелять! Будьте вы прокляты, мерзкие буржуины!» Но я так не сказал. И не скажу. Потому что я умный, старый и битый-перебитый.

– Допустим, готов. Итак, поясните мне, как вы видите это самое сотрудничество. Обгаживать свою страну я тоже не собираюсь, и в этом вы уже должны были убедиться.

– Во-первых, расскажите нам, зачем к вам приходил один из секретарей советского посольства. Чего он от вас хотел, что предлагал или требовал. Во-вторых, вы зря думаете, что агенты только бегают и закапывают бумажки с

секретами. Хотя и это возможно. Вы, судя по всему, будете общаться с высокопоставленными чиновниками Союза. Можете что-то услышать, можете что-то увидеть. Так вот это услышанное и увиденное вполне нас бы устроило. Скорее всего у вас будут контакты и с теми же самыми учеными. И с сотрудниками КГБ. Вы вполне можете втереться к ним в доверие, узнать какие-либо секреты. И соответственно – передать сведения нашим сотрудникам. Каким образом – это можно установить потом. Это технические детали. Главное – готовность сотрудничать. Итак, снова задаю вопрос и хочу услышать на него четкий и ясный ответ: вы готовы сотрудничать с правительством Соединенных Штатов Америки?

– Готов, – пожал я плечами, прекрасно осознавая, что сейчас где-то рядом со мной работает записывающая камера. В 1971 году видеокамеры уже были. Ну, а что касается аудиозаписи, так это уже само собой. Пишут меня – просто на раз. Перед встречей кабинет скорее всего «зарядили» по полной.

– Итак, что хотел от вас секретарь посольства, он же резидент советской разведки? Зачем он приезжал, да еще и лично?

– Он хотел приставить ко мне двух телохранителей – вроде как для моей защиты. А на самом деле – моих надзирателей. Они боятся, что я останусь жить в США, не вернусь домой. Мы с ним сильно поссорились, и я категорически отказался от услуг его мордоворотов.

Гости переглянулись, и мне показалось, что мои слова как-то стыкуются с их пониманием ситуации. Беглый советский гражданин – это нормально, это обычно. И понятно, что Советскому Союзу не нужен скандал с оставшимся на ПМЖ известным писателем.

Впрочем, эта версия трещит по швам, если в ней хорошенько покопаться. Ну как два мордоворота могут уберечь меня от того, чтобы я заявил о желании остаться в США? Если только убить… что тоже вообще-то вариант.

Будто услышав мои мысли, Уокер серьезно сказал:

– У нас есть сведения, что, если бы вы отказались возвращаться в Союз, вас должны были убить. Уколоть иглой, и через несколько секунд у вас уже сердечный приступ. А яд на воздухе и в теле просто разложился бы – как и

бывает частенько с органическими ядами, так что доказать, что вас убили, было бы невозможно. Так что трижды подумайте, прежде чем вступать в контакт с вашими спецслужбами. Оглянуться не успеете, как станете холодным куском мяса. Ваши агенты это делать умеют!

Как будто ваши не умеют. А если и правда не умеют – так учитесь, черти драповые!

Да умеют, умеют… чего-чего, а штатовцы убивать умеют. Тихо так, исподтишка, в спину – но умеют. А вот как следует воевать – нет. Без своей техники они ничто. Как-то так вышло, что США на самом деле и не воевали. Ну вот так, как Советский Союз – чтобы сотни тысяч, миллионы бойцов, чтобы небо чернело от самолетов врага и своих, чтобы гром тысяч орудий сотрясал землю. Мелкие локальные операции, бомбежки, карательные экспедиции – вот их война.

Вьетнам? Так это и есть яркий пример карательной экспедиции – только масштаб побольше. И что они там получили? Кровавую баню. Постыдный проигрыш. Позор. Проиграли маленьким, плохо вооруженным вьетнамцам.

Ну да, наши помогали врагам американцев, так и что? Не такая уж и большая была помощь, чтобы сильно повлияла на исход войны. Если бы вьетнамцы на самом деле не хотели изгнать америкосов – никогда бы не смогли их победить, хоть сколько оружия и военных специалистов им ни дай.

– Еще раз – что вы от меня хотите? Кстати, подписывать ничего не буду! Мне еще только шантажа не хватало!

Глаза собеседников сделались масляными, на губах появились едва заметные улыбки. Ну да – я же лох! Считаю, что, если ничего не подписал, значит, и нет следов того, что согласился на сотрудничество. Я ведь не догадываюсь, что нашу встречу пишут во всех форматах! Наивный албанец, да.

Только вот перебарщивать не надо. Глупый агент ценится меньше. Но я не глупый, я просто писатель, а писатели страшно далеки от реальностей жизни, ага. Ходят себе, думают, мечтают, придумывают всякую хрень – откуда они знают о методах спецслужб? Нет, правильно я все сделал. Точно – правильно.

– Не нужно ничего подписывать. – Уокер теперь уже похож на доброго дедушку. Ну как же – дело сделано! Дичь в силках! А тогда чего переживать? – От вас нужно только добровольное сотрудничество, посильное сотрудничество. И кстати, да – мы вас поддержим и финансово! Вам же придется пробыть в нашей стране неопределенное время! Месяц, а может, и два, пока не закончится расследование. Так вот, чтобы ваше пребывание в нашей стране было комфортным, мы вас слегка профинансируем. Не миллионы, конечно! Увы, на миллионы вы пока не наработали, но аванс в сумме десяти тысяч долларов вполне заслужили. Этот небольшой аванс показывает, что государство может быть щедрым к тем, кто к нему лоялен, к тем, кто заботится о его интересах. Только придется расписаться в ведомости – все-таки деньги, нам нужно отчитаться перед начальством.

Подсовывает бумажку, читаю. Ничего особенного – сумма цифрами и прописью да место для подписи. Никакого указания – за что получены тридцать сребреников.

– Вы меня за осла держите, что ли? – Отводят взгляды от моих несуществующих ушей. Держат, точно. – Ничего не буду подписывать. Деньги возьму – почему бы и не взять? А подписывать не буду. Я же уже вам сказал!

Переглядываются. Не прокатило, ага. Ну и что? Все равно все записывается – факт согласия сотрудничать, факт передачи вознаграждения за труд Иуды. Все в порядке! Все идет, как надо!

– Вам присваивается псевдоним… хмм… «Коммандос». Если к вам обратится человек и назовет этот псевдоним, вы должны будете его как минимум выслушать. А выслушав, содействовать его деятельности. По мере возможности, конечно. Ему же вы будете передавать те сведения, которые сочтете необходимым передать нам. Вы будете получать вознаграждение регулярно, вне зависимости от того, сделали что-то для нас или нет. Но боже упаси вас пойти против нас, сделать что-то такое, что нам не понравится, мы тут же сделаем так, что ваше советское руководство узнает о вашем сотрудничестве с нами. И тогда вы знаете, что с вами будет. Не нужно нигде расписываться – просто получите деньги и можете быть свободны. Пока – свободны.

Уокер взял конверт, вытряхнул из него пачку стодолларовых купюр и подвинул ее ко мне. А я не спешил брать. Рука просто закаменела, будто передо мной лежала не пачка серо-зеленой бумаги, а… те самые серебряные монеты. Те

самые…

Пришлось сделать над собой усилие – пачка перекочевала в карман брюк, и правая рука разжалась. Пальцы, побелевшие в кулаке, распрямились и заныли, будто переживая, что лишились эдакого приключения. Они были уже готовы врезаться в пухлую морду американца, превратить ее в месиво, в кровавую грязь! Но мозг не дал этого сделать.

А потом цэрэушники встали, вежливо попрощались, наградив напоследок фальшивыми, присущими американцам неискренними улыбками, и вышли из кабинета. Уже уходя, Уокер с кривой ухмылкой бросил:

– Обед – за счет конторы, как вы и хотели. Ешьте и ни в чем себе не отказывайте!

Я чуть не швырнул в него блюдом с мясной нарезкой. Возможно, Уокер это понял, потому что улыбка мгновенно слетела у него с губ, и он быстро ретировался, исчезнув за толстой дверью кабинета.

А следом появился Рон в сопровождении официанта. И тот тащил деревянную доску, на которой лежал здоровенный стейк и куча хрустящей картошки. И я на время забыл обо всех шпионских страстях. Ну… почти забыл.

Рон весь обед молчал. Вяло клевал что-то у себя из тарелки, запивая пивом из высокого стакана, но заговаривать не пытался. А мне не хотелось с ним говорить. Да и было бы неправильно не отреагировать на то, что он сделал. Ведь что ни говори, а в ловушку подонок Рон меня заманил. С его подачи меня обратали эти гребаные цэрэушники! А то, что я давно ждал нечто подобное, давно на это рассчитывал и даже надеялся – так кому теперь какое дело?

Ну как то есть рассчитывал… слово какое-то неправильное. Я предполагал, что так будет! Известный советский писатель, таинственная личность, вокруг которой происходят какие-то события – что может быть привлекательнее для спецслужб? А то, что события происходят, в этом нет никаких сомнений. Зря, что ли, к нему приезжал советский резидент? Значит, этот писатель – личность значимая.

А создать мне неприятностей – это на самом деле плевая задача. И что именно они мне могут устроить – я давно уже сам для себя вычислил. И цэрэушникам озвучил.

Итак, теперь я меж трех огней. И положение мое, и ранее не бывшее очень уж безоблачным, осложнилось многократно. Одна сторона: Брежнев и его пристяжные. Что ждать от них? Они будут требовать, чтобы я вернулся в Союз. В Союзе – тут же утащат меня в тайную лабораторию, где и будут исследовать как подопытную мышь, параллельно выкачивая из меня все знания, которыми я обладаю. И не допуская моих контактов ни с кем из тех, кто не посвящен в мою тайну. То есть фактическое заключение по типу психиатрической лечебницы карательного типа. Сколько я там протяну – неизвестно. Наверное, недолго. Ведь мое существование само по себе несет угрозу существования власти Брежнева. Вдруг меня выкрадут враги? Вдруг я расскажу о будущем кому-то со стороны? Не верю я, что Брежнев считает меня агентом мирового капитала. Не такой он глупый, чтобы не понимать, что это не так. Наверху вообще нет глупых – есть хитрые и очень хитрые. Брежнев – очень хитрый, иначе бы он не смог продержаться у руля власти до самой своей смерти.

Теперь о второй стороне. Шелепин, Семичастный и иже с ними. Я прекрасно понимаю, почему после получения письма до сих пор во власти никаких изменений не произошло. Рулит страной Брежнев и никуда исчезать не собирается. Тогда что делает тот же Шелепин? Как он воспользовался моей информацией?

Заговор строит. Стопроцентно он строит заговор. Без поддержки в спецслужбах, без доверенных лиц во власти никакого заговора быть не может. А работа эта по подбору людей кропотливая и спешки не терпит. Одна ошибка, и… бах! Уснул и не проснулся. Или грузовик с картошкой тебя задавил.

И теперь стоит подумать – а как ОНИ ко мне отнесутся? Что ОНИ со мной сделают? И ничего в голову не приходит, кроме золотой клетки. Будет то же самое, что и с брежневской командой, только мягче, сытнее.

Хотя… а кто сказал, что мягче? Что, Шелепин и его команда будут обращаться со мной лучше, или, вернее – по-другому, чем Брежнев? Пора бы уже забыть эти глупости насчет благодарности, совести и всего такого. В политике нет такого понятия, как «совесть». И нет в политике понятия «благодарность». Есть «политическая целесообразность». Ну, вот, к примеру: если тот же Шелепин

сочтет, что я угрожаю безопасности государства, что я могу нанести непоправимый вред будущему страны – хотя бы тем, что передам свои знания американцам, как он тогда поступит? Вот то-то же… грохнут меня, да и вся недолга.

Ну и теперь – американцы. Вот тут все и проще, и одновременно сложнее. Сейчас они в полной уверенности, что держат меня за одно интимное место и что я никуда от них не денусь. Деньги взял, факт передачи зафиксирован – куда денется, сокол ясный! А вот возьму и денусь! Только не сейчас. Попозже. Пока что мне нужно играть, и делать это как можно тоньше.

Но противно, да. Деньги жгут ляжку. Деньги, полученные от врага. Те самые сребреники, да.

Кстати, надо подумать, стоит сообщать Симонову, что на контакт со мной вышли штатовские спецслужбы и я дал согласие на сотрудничество? Обязательно надо сообщить. Когда надумаю отправиться на тот свет.

Хорошо, что американцы не знают про Шамана, меня. То, что они вообще знают о существовании некого Шамана, уверен. Разведка у них работает очень хорошо. Но вот кто именно этот самый Шаман, черта с два узнают. Наши тоже умеют хранить секреты, а предателей в высшем эшелоне власти КГБ я уже сдал.

И все-таки что от меня хотят американцы? Предложат мне остаться на ПМЖ? Хотели бы – уже бы предложили. Значит, не то. Скорее всего все-таки мечтают сделать из меня что-то вроде… хмм… Сахарова? Нет, не ученого, конечно! Речь о другом: «Известный писатель с мировым именем критикует политику СССР!» Хорошо? Хорошо! Если уж за этого негодяя Солженицына так уцепились, то уж писатель-фантаст, издающийся во всем мире, должен быть для них очень привлекателен. Мне так кажется. И раскручивать меня не надо – уже раскручен, готовая фигура. Наезжают на меня и заставляют сказать, что Союз – дерьмо, что комми все как есть подонки и на ужин едят младенцев, а я чудом вырвался в страну воцарившейся демократии.

Брр… меня аж передернуло! Отвратительно! Сидит во мне советский мальчишка, и никуда он не делся. А этот мальчишка считал всех эмигрантов предателями, которых надо если и не расстреливать, то как минимум порицать и не пускать обратно, если пожелают вернуться.

А еще все самое лучшее – только советское, и никак иначе.

И вот этот мальчишка счел бы меня откровенным подлецом. Настоящим предателем, финансируемым врагами!

И что я должен был сегодня сделать? Гордо послать на хрен Уокера и его пристяжного? И включиться в борьбу с государственной машиной, с Системой, для которой я даже не букашка – пятнышко плесени на стене?

Мог бы, да. Лет в четырнадцать я бы так и сделал. Но мне пятьдесят. И я знаю жизнь. Снайпер не бежит в атаку с криком «ура» – он сидит в засаде и в удобный момент снимает точным выстрелом того, кого нужно убрать. И не испытывает никакого чувства собственной неполноценности из-за того, что бьет исподтишка, в спину. Работа такая!

А что касается полученных денег… вообще-то получается, что государство США оплатило жизнедеятельность своего врага. То есть меня. И эти деньги фактически они пустили на реанимацию Союза.

Да, я – враг этой страны. Не людей, тут живущих, нет! Кроме некоторых, конечно. Я враг этой системы, а Система – это и есть США.

Моя жена, милейшая, интеллигентная женщина, однажды сказала: «Вот была бы кнопка, чтобы нажать ее, и… нет Америки! Нет всех этих, что хотят бросить на нас бомбу. Я устала бояться!» Вот и я так же – устал бояться за своих детей, за своих внуков. Устал слышать, читать о том, какие новые козни строит эта огромная, богатая и такая жадная на кровь страна. Эта страна выросла на крови, она буквально купается в крови! Вначале уничтожила всех тех, кто владел этой землей. Обманом, силой, подлостью искоренила индейцев. А потом поднялась на том, что делала деньги на войнах.

Вторая мировая война была для США просто манной небесной! Если только забыть о том, что скорее всего американские олигархи и подтолкнули мир к войне. Сейчас, а уж тем более в 2018 году, уже никто и не помнит, что Форд, один из столпов Америки, яростно поддерживал Гитлера, истово ненавидя евреев и коммунистов. И что ему было за это в своей стране? За поддержку фашистов? Ни-че-го. Кроме… денег.

Ну что же, стоит подытожить мои размышления на тему: «Как мне выжить в этом изменчивом мире, как можно сильнее пакостя врагам и направляя друзей по пути истинному». Друзей? Да нет у меня друзей среди власть имущих. У них по определению не может быть друзей – только союзники и враги.

Я – агент влияния. Но не какой-то из политических систем и не какого-то государства… я агент влияния Провидения. Как хочешь его назови – «Провидение», «Мироздание», «Бог» в конце-то концов, но я агент этой силы, которая почему-то избрала меня своим орудием. Иначе зачем меня переместили из моего времени в это? Или… в этот мир.

И кстати, теория о том, что я являюсь орудием Провидения, меня даже радует. Почему? Да потому, что тогда моя жизнь обретает некую осмысленность. Нет случайности, есть Промысел Божий. Нет Хаоса, есть упорядоченные действия, совершаемые избранным Провидением агентом.

И это означает то, что… во-первых, я тогда способен сделать то, чего от меня ждут. То есть у меня лично есть шанс совершить задуманное. Иначе мне бы не дали такую возможность!

Во-вторых, это означает, что это вообще ВОЗМОЖНО! А вот это как раз и самое главное, делать что-то, не надеясь на результат – это было бы просто глупо. И если ты не надеешься на достижение цели – какой смысл идти по дороге? Мы же не древние китайцы с их заумной философией, в конце-то концов! Это они утверждают: «Главное не цель. Главное – путь к цели!» У нас другое. У нас: «Цель оправдывает средства» – плохо это или хорошо, не знаю. Но по-другому я и не умею.

А вот теперь самый главный и самый интересный вопрос: а КАКАЯ у меня цель?! Вот правда – какая?! Нужно уточнить, сформулировать задачу! Итак, попробую выделить главное: главная моя цель – сохранение Советского Союза. Любыми средствами! Любыми затратами!

У меня к Союзу много претензий. Очень много. Теперь, когда я живу в этом времени, я прекрасно вижу и осознаю то, что нынешняя внутренняя политика СССР обречена на провал. Впрочем, как и внешняя. И что сам советский строй в нынешнем виде нежизнеспособен. Но я хочу, я должен сохранить Союз в его нынешних пределах! Потому что это – моя Родина. Потому что я хочу своей

Родине добра. Если я сумею сделать так, что сохранится Союз – будут живы тысячи и тысячи людей. Не будет Афгана. Не будет кавказских войн. Не будет смертей на Донбассе. А если ты можешь спасти тысячи людей, знаешь, что можешь это сделать – как откажешься от такой возможности? Совесть позволит?

Итак, в первую очередь – сохранение Союза. А во вторую? Хмм… сложный вопрос. И наверное, пустой. Потому что главное – именно сохранение Союза, усиление его, улучшение жизни людей внутри моей страны. Ну и для того мне нужно набрать как можно больший «вес». Влияние, чтобы мир прислушивался к моим словам, чтобы меня опасались тронуть!

Нет, я не обольщаюсь, президента США убили, так чего им какой-то там писатель, даже очень известный? Но все-таки выжить у меня шансов больше, если я не заштатный писатель, а мировая звезда. Такая звезда, от света которой глаза слепнут до слез!

Итак, ближайшая моя задача – набирать «вес» и… просто выжить. Не дать себя выкрасть, не дать себя убить, не дать себя запереть в клетку. И смотреть, что будет в Союзе. Свой информационный снаряд я уже отправил, жду взрыва!

* * *

Дня три меня никто не беспокоил. Я работал, бегал по утрам, завтракал-обедал-ужинал, в общем – вел обычную, спокойную жизнь. Готовил обычно Нестеров – его от меня все-таки не убрали, хотя выволочку он явно получил очень даже крепкую. После визита Симонова его не было два дня – он ездил в посольство, и когда приехал, я его просто перестал узнавать. Пить бросил – ну совершенно! Даже пиво не пил, когда мы с ним ходили в кафе. Вот он и взял на себя обеспечение всех наших домашних запросов. Готовка, отправка белья в прачечную, покупка продуктов – весь набор домашних дел. Кто-то может сказать, что я низвел своего «соседа» до уровня прислуги, но это будет чушью. Он делал то, что обязан был делать – следил за мной и докладывал по инстанции. Но не настаивал, если я не желал, чтобы он за мной ходил.

Скорее всего за мной следили еще и симоновские ребята, даже не «скорее всего», а точно следили – я чувствовал за собой слежку постоянно, в любое время – стоило только выйти из дома. Так что задачей Нестерова было

отслеживание моих контактов в пределах дома, не особенно меня напрягая. Уже через неделю я привык к такому повышенному ко мне вниманию и жил так, будто ничего такого особенного в этом не было.

Впрочем, если не считать моей встречи с представителями американских спецслужб, ничего интересного для моих соглядатаев не наблюдалось. Сидел дома, работал и совершенно никем и никак не интересовался.

Через три дня после моей встречи с американскими агентами меня вызвали в районную прокуратуру. Просто позвонили и очень вежливо, без намека на хамство, пригласили на встречу с районным прокурором на завтра, на четырнадцать часов по местному времени.

Само собой, такие приглашения не игнорируют – ни на родине, в Союзе, ни в городке с названием Нью-Йорк, потому на следующее утро я как следует побрился, надел чистое белье и чистые джинсы с легкой рубашкой-гавайкой и потащился по указанному мне адресу, прихватив с собой хмурого Нестерова. Почему хмурого? Да так… Сколько мы с ним в Америке, столько он и хмурый. И то, что Костя бросил пить – никак не улучшило его настроения. Раньше он был хмурым из-за семейных неурядиц, а когда нажил себе неприятности, заливая эти самые неурядицы стаканами крепкого спиртного, переживал из-за того, что по возвращении домой получит добавку в виде хорошенько вымоченных и потому болезненных розог. Как, в принципе, и полагается нарушителям правил и всяким запойным пьяницам. За что боролся, на то и напоролся… теперь терпи!

Ну, а с собой я его взял по одной простой причине – если долго не выйду из прокуратуры, значит, меня все-таки закрыли, и пора бить в барабаны, вызывая кавалерию из родного посольства.

По крайней мере я ему так все и объяснил. Мол, если закроют, побежишь выручать. Хотя прекрасно знал, что никто меня теперь не арестует. Кишка тонка у прокуратуры против целого ЦРУ. Если только арест не инициирует само ЦРУ – для профилактики и чтобы не забывался.

На проходной прокуратуры я назвал свои имя и фамилию, и меня тут же пропустили. Получилось все просто и даже, можно сказать, банально. Пришел в кабинет, назвался. Мужчина, оказавшийся помощником прокурора, дал мне подписать бумажку, в которой было сказано, что я претензий к прокуратуре не

имею, а взамен выдал что-то вроде советско-российского «отказного», в котором черным по белому было сказано, что государство США никаких претензий ко мне не имеет и что действовал я в рамках закона Соединенных Штатов Америки. Ну и… все! Поезжайте, куда хотите, делайте, что хотите… черное и белое не берите, да и нет не говорите… но это уже из другой оперы. В общем, теперь я с бумагой и могу жить-поживать, добра наживать.

Простился с прокурорским душевно, вполне искренне, даже по-американски улыбнулся, фальшиво и белозубо. Привык уже, ага! Как там сказано? «Если долго смотреть в бездну, то бездна в конце концов глянет в тебя». К чему это я? Да к тому, что если ты постоянно контактируешь с обществом, в которое погрузился на неопределенное время, то в конце концов волей-неволей начинаешь ассимилироваться. Нет, скорее маскироваться, как хамелеон, внешне приобретая цвет того места, на котором сейчас стоишь. Люди не любят белых ворон, так что лучше особо не выделяться. Положено фальшиво улыбаться всем на свете – улыбайся!

Вышел из прокуратуры с хорошим, очень хорошим настроением! Ведь сейчас я могу просто поехать в аэропорт, купить билет на самолет и завтра буду уже дома! В своей квартире! Рядом с такой упругой, такой желанной Ниночкой!

Черт подери, мне уже эротические сны снятся! Впору купить девушку с пониженной социальной ответственностью! Все-таки я ведь мужчина, а теперь – еще и молодой мужчина! Гормоны кипят, кровь бурлит…

– Ну что там? – Нестеров жадно вглядывался в мое лицо. – Можем лететь домой? Тебя отпустили?

– Меня никто и не арестовывал, – хмыкнул я. – Чтобы отпускать. Да, вот бумага – я чист перед законом. Вот только уехать пока не могу.

– Почему?! – Нестеров был не то чтобы ошеломлен, он был едва ли не в ужасе. – Ты должен ехать в Союз! И как можно быстрее! Обязательно должен!

– Кто это решил, что я ДОЛЖЕН? – Голос мой был холодным и насмешливым. – Партия и правительство?

Нестеров смотрел на меня со смесью испуга и отвращения. Похоже, что он принял меня за «невозвращенца», потому я сразу решил расставить точки на «i».

– Послушай, Костя… я не собираюсь здесь оставаться! Я не собираюсь здесь жить! Мне не нужно американского гражданства – у меня есть свое, советское, и отказываться от него я не хочу. Просто у меня тут есть несколько дел, которые я должен закончить. Например – скоро мы устроим рекламную акцию – я встречусь с полицейскими из участка, в котором служат те ребята, которых я спас. Мы будем соревноваться в стрельбе и рукопашном бое. А кроме того, со мной на днях должны связаться из «Уорнер бразерс», и я пойду на переговоры по поводу экранизации моей книги. И ты предлагаешь мне уехать? Вот так все бросить и уехать домой? ЗАЧЕМ?

– Ну… надо же возвращаться! – залепетал красный, как рак, Нестеров. Я и не знал, что он умеет ТАК краснеть. – Надо же на родину ехать! Не вечно же здесь сидеть!

– Что, тебе сказали, чтобы ты воздействовал на меня, убедил, что я должен побыстрее вернуться? Так вот можешь успокоить своих начальников: я обязательно вернусь! И повторюсь – не собираюсь принимать американского гражданства! Мой дом – там, за океаном. И чужой дом мне не нужен. Но я вернусь тогда, когда сочту это необходимым. Я – свободный человек и могу перемещаться по миру туда, куда хочу. Туда, куда могу. И еще: я не собираюсь вредить моей стране. Наоборот! Я стараюсь возвысить ее в глазах иностранцев при каждом удобном случае. И уж ты-то должен был это заметить. Русский, советский – успешный, востребованный, свободно перемещающийся по миру – это ли не лучшая реклама советскому строю? Потому не понимаю, с какой стати меня норовят поскорее загнать в стойло. Ты можешь ехать, куда хочешь – по большому счету ты мне не нужен. Впрочем, как и было с самого начала. Тебя мне навязали как соглядатая, как надсмотрщика. Так вот, дорогой Костя, в моей квартире ты живешь до конца недели. Потом ищи себе другое место жительства. Я не собираюсь оплачивать твое пребывание в этой стране и конкретно – в арендованной мной квартире. Рон уже предупредил, что оплата аренды квартиры издательством прекращается в самое ближайшее время. То есть я буду оплачивать квартиру сам. А если я буду оплачивать ее сам – на кой черт я буду платить за тебя?

– А откуда у тебя деньги за оплату квартиры? У тебя только тысяча долларов была! – Глаза Нестерова внезапно сделались колючими, взгляд, как у

рентгеновского аппарата. Насквозь просвечивает! Вот так вот… Костя-то не дурак, а я как-то уже и списал его со счетов.

– Взаймы взял, у издательства, – безмятежно пояснил я, глядя на моего «напарника» чистыми, ясными глазами. – Потом вычтут из моего гонорара, и все тут.

– А! Понятно… – кивнул Нестеров и отвел взгляд. То ли поверил, то ли нет, но… какая разница? Интересно, что они теперь сделают, узнав, что я не горю желанием вернуться на родину в ближайшие дни и даже недели.

* * *

Генеральный секретарь внимательно осмотрел кабинет, будто никогда его не видел, задержавшись взглядом на Андропове, поблескивающем чистыми, отполированными до блеска очками. Юрий Владимирович всегда отличался невероятной аккуратностью и ни за что бы не надел очки с захватанными пальцами стеклами. Только чистота, только порядок. И тогда почему он допустил такой промах? Он, совершенный руководитель, и такой непростительный промах?

– Как это получилось? Почему вы позволили этому Карпову выехать к нашему потенциальному противнику? Вы вообще понимаете, что это даже не глупость – это преступление! Юрий Владимирович, поясни, чем ты руководствовался, когда давал разрешение на выезд Шамана?

Андропов встал, помолчал секунды две, затем заговорил:

– Карпов, товарищ генеральный секретарь, не выказывал никаких признаков нелояльности нашей советской стране, нашей партии и правительству. Наоборот, он в высшей степени отрицательно высказывался в адрес наших диссидентов, например, того же Солженицына. В том числе и перед иностранцами, теми же американцами. Не было никаких оснований утверждать, что Карпов может перейти на сторону потенциального противника. Остаться в США. Потому никаких препятствий к выезду для него и не было. В тот момент никаких данных, указывающих на то, что Карпов является тем самым Шаманом, у нас не было.

– То есть Комитет сработал плохо, выпустил из страны человека, который может угрожать безопасности государства?

– Получается, так… – Андропов медленно, осторожно кивнул головой. – Все наши службы сработали плохо.

– А мне кажется, это ты сработал плохо, Юра! – Брежнев недовольно помотал головой. – Хотел я тебя снять с должности, но решил подождать. Решил, что, возможно, ты все-таки возьмешь себя в руки, одумаешься, начнешь работать как следует. И во что это вылилось? Ты проморгал у себя под носом важнейшую фигуру! Можно сказать, информационную бомбу, которая может нанести нашей партии непоправимый вред! Куда там Солженицыну с его глупыми рассказами о злом Сталине, тут все гораздо хуже! Если он сконтактируется с американцами, если начнет во всеуслышание писать и говорить о том, что написал нам в письмах, – это будет просто… да у меня даже слов нет, чтобы назвать такое безобразие!

Генсек хлопнул ладонью по столу, и звук был таким, будто в тихом кабинете прозвучал выстрел. Вообще-то он был очень выдержанным человеком, и такое проявление эмоций в служебных делах было для Брежнева чем-то из ряда вон выходящим. Значит, он рассердился не на шутку. И что из этого получится, не мог знать никто. То ли быстро отойдет, станет прежним – рассудительным, важным, выдержанным руководителем огромной страны, то ли участь провинившегося аппаратчика предрешена. Нет, он не станет тут же снимать его с должности, не станет отдавать под арест – без того, чтобы выслушать мнение остальных членов политбюро, ничего такого не произойдет. Но то, что оно произойдет обязательно – это абсолютно точно. Просто отсрочка, и ничего больше.

– Товарищ генеральный секретарь. – Андропов был бледен, но голос его не дрожал. Он вообще был волевым и сильным человеком. Умел держать удар! – В письмах Шаман не раз говорил, что болеет душой за Советский Союз. Что единственной его целью является сохранение государства. Так зачем тогда он будет выдавать американцам те сведения, которые передал нам? А если он агент тех же западных спецслужб, тогда что он им выдаст такого из того, что знает? Если допустить, что его сведения несут в себе заряд дезинформации и что будущее страны, описанное в письмах, лишь плод больного мозга каких-то западных авторов – или самого Шамана, не забываем, что он – писатель-фантаст с огромным потенциалом, так что он может рассказать американцам? Я не верю,

что Шаман – агент западных спецслужб. А вот то, что он является неким артефактом, верю на девяносто девять процентов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/1971-agent-vliyaniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить